

Ашмарина Е.М., Кроткова Н. В., Терехова Е. В.

**ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ II ВСЕРОССИЙСКОЙ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»
(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ, 25 ФЕВРАЛЯ 2015 Г.)**

Аннотация. В обзоре конференции развивается концепция, которая заключается в целесообразности введения в российскую правовую систему новой отрасли права (экономического права Российской Федерации). В этой связи представлена серия выступлений, иллюстрирующих непосредственную связь экономики и права; сделан акцент на взаимозависимости отдельных сегментов экономических отношений и их правового оформления (в таких видах экономической деятельности, как налоговая и парафискальная деятельность, инвестиционная деятельность, банковская деятельность, внешнеторговая деятельность, таможенная деятельность и другие виды экономической деятельности). Применялись общенаучные (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правового исследования и др.). Сделан вывод о целесообразности выведения экономического права в качестве мегаотрасли, которая рассматривается учеными в области теории права, что подтверждается наличием предмета (экономических отношений) и иллюстрируется фрагментами прикладного характера, приведенными специалистами таких отраслей российского права, как финансовое право, предпринимательское право, гражданское право, административное право и другие отрасли.

Ключевые слова: экономика, право, экономическое право, предмет экономического права, банковское право, геополитика, предпринимательское право, административное экономическое право, инвестиционное право, таможенное право.

Review. The aim of the following review is to give proof of the necessity of introducing a new branch of law – economic law – in Russia's legislation system. The author reviews a number of speeches of the participants of the conference that illustrate the close interconnection between economy and law. He also accentuates the dependence of several types of economic activities (tax, parafiscal tax, investments, banking, foreign commerce, customs procedures and several others) on their legal figurations.

In his study, the author applies both general scientific methods (comparison, analysis, synthesis, abstracting, generalization) and special scientific ones (the formal-dogmatic method, comparative analysis and others). The author comes to the conclusion of the practicability of separating economic law into a special mega-branch of the juridical science. This conclusion is backed with some practical examples that have been given by experts in such branches of Russian legal science as financial law, entrepreneurial law, civil law, administrative law and several others.

Keywords: entrepreneurial law, geopolitics, banking law, the subject of economic law, economic law, law, economy, administrative economic law, investment law, customs law.

Основной целью II Всероссийской межвузовской конференции по экономическому праву (I одноименная конференция была проведена впервые в истории отечественной правовой науки в Российской академии правосудия в период с 24 по 25 января 2014 г.) было развитие концепции об актуальности, целесообразности и необходимости введения в официальную правовую доктрину экономического права Российской Федерации в качестве мегаотрасли российского права и учебной дисциплины. Конференция проводилась **совместно с кафедрой теории права РГУП.**

В конференции приняли участие гости из Российской академии естественных наук (РАЕН), представители УМО юридических вузов России, представители федеральных органов государственной власти Российской Федерации, образовательных организаций высшего образования, банков, практикующие адвокаты и прокуроры. Сделали заявки на участие в конференции и присутствовали на заседаниях более 70 человек. Выступили с докладами и приняли участие в научной дискуссии около 40 участников. Мероприятие носило научно-практический характер.

Открыл пленарное заседание конференции (25 февраля) **проректор по научной работе РГУП, доктор юрид. наук, проф. В. Н. Корнев.**

В своем выступлении В. Н. Корнев исследовал вопрос о предмете экономического права («**К вопросу о предмете экономического права**»), как ученый в области теории права, отметив, что Вторая Всероссийская научно — практическая конференция посвящена актуальным и дискуссионным теоретическим и прикладным вопросам, которые находятся на «стыке» теории государства и права и отраслевых юридических наук, имеющих, если можно так выразиться, «экономическое содержание».

В настоящее время как в России, так и за рубежом возрос интерес к проблеме соотношения права и экономики. Это выражается

в концепции экономического анализа права, чему свидетельствуют работы отечественных ученых В. А. Тамбовцева, Г. А. Гаджиев, В. И. Лафитского и др. По справедливому мнению В. А. Тамбовцева «Экономический подход к праву существенно изменяет сам характер теоретических рассуждений юристов о праве». Это высказывание, надо полагать, направлено прежде всего в адрес юридического позитивизма.

В отечественной юридической литературе отмечается, что в системе права России появились и развиваются экономически ориентированные отрасли права: экономическое право, отрасли публичного права, ориентированные на управление экономическими процессами в обществе (например, Э. В. Талапина выдвинула идею формирования публичного экономического права); отрасли права, направленные на защиту интересов личности в экономической сфере в условиях рыночной экономики и глобализации.

К экономически ориентированным отраслям права, которые непосредственно направлены на регулирование экономических отношений авторы относят гражданское право, финансовое право, предпринимательское право, а также институты и отрасли, напрямую участвующие в регулировании процессов экономики.

Бесспорным является тот факт, что проблема соотношения права и экономики обострилась в связи с тем, что в России признана была частная собственность и реабилитировано занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью.

В настоящее время имеется опыт некоторых европейских стран, где применяется термин экономическое право. По своему содержанию экономическое право не является однородным, а включает предпринимательское, антимонопольное, торговое и т. д. право. Иначе говоря, как отдельная отрасль экономического права не существует. Это своего рода мегаотрасль, выражающаяся в системе отраслей права, которые регулируют отношения,

возникающие в процессе регулирования экономики в целом, а также отношения, возникающие в сфере осуществления экономической деятельности. Необходимо иметь в виду то, что при отраслевом делении права не используется такая категория как метод правового регулирования и нормы права группируются по особенностям тех отношений, которые они регулируют, т.е. по предмету правового регулирования, либо нормы права систематизируются по другим формальным или фактическим признакам.

Например, в теории права ФРГ соотношение или связь одних норм с другими принято, как и у нас, обозначать термином система права. Система права имеет внутренние и внешние признаки. Под внешними признаками системы права понимается порядок норм права, объединенных по формально-юридическим критериям. Так, право делится на частное и публичное. В рамках ГГУ выделяется вещное и обязательственное право. Кроме того, система права может выстраиваться на основе видов и юридической природы правоотношений, а также с учетом особенностей тех обязанностей, которые устанавливаются соответствующими нормами права: если это обязанности личности перед государством, то эти нормы относятся к административному праву, а индивида перед индивидом, то это нормы гражданского права и т.д.

Внутренняя система права основывается на тех целях и оценках интересов, которые лежат в основе предписаний законов и других нормативных правовых актов. Соотношение и взаимосвязь интересов и целей составляют основу внутренней системы права. Это, можно сказать, социологический, внеюридический подход к построению системы права, так как нормы права группируются в зависимости от сферы отношений, которые регулируют правовые нормы, т.е. по предмету правового регулирования. По данному критерию выделяются торговое, сельскохозяйственное, военное, транспортное право и т.д.

Можно сделать вывод о том, что экономическое право в определенном смысле условное и собирательное понятие. Поэтому, исходя из существующих в нашей юридической науке критериев, выстроить отдельную отрасль права под названием экономическое право пока представляется весьма проблематичным. Речь может идти об отрасли законодательства, которая объединит нормативные правовые акты на основе единого предмета регулирования: отношения, возникающие в процессе экономической деятельности, которые могут носить как публично — правовой, так и частно — правовой характер. В связи с этим весьма актуальной представляется четкое научное понимание экономической деятельности, ее разновидностей и тех отношений, которые регулируются экономическим правом.

Теоретическая и практическая потребность в таком понимании состоит не только в том, чтобы каким-то образом определить предмет экономического права и выявить его особенности, но и также и в том, что в соответствии с действующим законодательством суды рассматривают экономические споры, а ясное понимание их природы невозможно без уяснения сути экономической деятельности, в результате которой они и возникают. Кроме того, без достижения четкости в этой сфере невозможно будет отграничить экономические споры от смежных споров, а также законодательно определить подсудность по такого рода делам. Конечно, бесспорно надо использовать положительный опыт ученых других стран, который имеется в данной сфере научного знания.

Еще Ганс Кельзен отмечал наличие в праве статического и динамического аспекта, т.е. в нашей современной терминологии регулятивная статическая и регулятивная динамическая функция права. Применительно к нашей теме под статическим аспектом мы понимаем совокупность норм права, которые устанавливают базовые основы системы правового регулирования в экономике. Сюда мы относим прежде всего нормы Конституции Россий-

ской Федерации, которые содержатся в ст. 8, 9.36 и др., а также нормы административного права, относящиеся к сфере регулирования экономических отношений, т.е. те нормы права, которые регулируют базовые, конститутивные отношения в сфере экономики.

Регулятивная динамическая функция права реализуется в сфере регулирования отношений, возникающих в процессе экономической деятельности, к которой относится совокупность действий на разных уровнях хозяйствования, в результате которых люди удовлетворяют свои потребности посредством производства и обмена материальными благами и услугами: сельскохозяйственная, промышленная, кустарная и другая экономическая деятельность.

В ст. 2 АПК РФ указано, что в задачу судопроизводства в арбитражных судах входит защита прав и законных интересов лиц осуществляемых предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Исходя из положений указанной статьи, а также суждений проф. Г. Ф. Ручкиной и других ученых-юристов Российской Федерации необходимо констатировать, что понятия хозяйственная и экономическая деятельность – это тождественные понятия и то, что экономическая деятельность включает в себя понятие предпринимательской деятельности, поскольку по своему объему оно шире.

Таким образом, выстраивается логическая цепочка: нормы права, регулирующие фундаментальные общественные отношения, возникающие в сфере определения общих условий функционирования экономики РФ, нормы права, регулирующие общественные отношения, возникающие в сфере осуществления предпринимательской деятельности и нормы права, регулирующие общественные отношения, возникающие в сфере ведения иной экономической деятельности.

Поскольку указанные общественные отношения регулируются нормами различных отраслей права, то брать метод правового регулирования в качестве критерия отграниче-

ния такой отрасли права как «экономическое право» вряд ли оправданно. Метод правового регулирования будет различен, но содержание регулируемых общественных отношений является нам единство: они экономические по своему содержанию.

Стало быть, предметом будут экономические отношения. Возможность такого критерия, как единственного для отграничения комплексных отраслей права, а по набору норм экономическое право носит комплексный характер, допускал С. С. Алексеев. Обращаясь к характеристике структуры права он писал, что отрасли права в сфере юридической догматики рассматриваются обычно *однолинейно*, т.е. как равнозначные «совокупности норм», отличающиеся по предмету и методу регулирования. Однако в реальности система права не столь однолинейна, как представляется она с точки зрения методологии юридического позитивизма. Особенно тех совокупностей правовых норм, которые направлены на регулирование «новых слоев социальности», по выражению С. С. Алексеева. Экономическое право как раз и опосредует эти новые слои социальности.

С этой точки зрения можно попытаться определить предмет экономического права. Предметом экономического права являются статические и динамические экономические отношения, возникающие в процессе установления общих условий функционирования экономики Российской Федерации и осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Далее состоялась научная дискуссия. Научный руководитель конференции — зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности, доктор юрид. наук, проф., акад. РАЕН — **Е. М. Ашмарина** представила основной доклад «**К вопросу об актуальности экономического права**», где обозначила основные положения об актуальности введения в официально признанную систему российского права новой отрасли — экономического права Российской Федерации

(доклад опубликован полностью), привела основные положения о зарубежном опыте формирования и наличия одноименной отрасли (на примере таких стран, как Германия, Франция и Китай) [1, с. 53–64] и рассмотрела генезис становления экономического права в соотношении с положениями экономической теории [2, с. 57–71].

Были сделаны выводы о том, что экономические общественные отношения (статика) объективно существуют, характеризуются безусловной спецификой и яркой индивидуальностью и реализуются в ходе экономической деятельности; экономическая деятельность в динамике представляет собой перераспределительный процесс достижения эффективности на стадиях производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ (ценностей, ресурсов); признаки экономической деятельности можно толковать исходя из ее стадийности (производство, распределение, обмен и потребление); экономические отношения и экономическая деятельность неизбежно являются (де-факто) предметом регулирования нормами российского права; (де-юре) эти нормы в нашей стране не приведены в соответствующую систему; правового поля ни одной отрасли российского права не достаточно, чтобы целостно урегулировать основы экономических отношений в совокупности; надлежащее урегулирование любых (в частности, экономических) отношений требует системного подхода к организации норм, их регулирующих, с целью избежания коллизий и противоречий норм, пробелов в законодательстве (то есть соблюдения требований юридической техники).

Декан юридического факультета, зав. кафедрой «Предпринимательское и корпоративное право» Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юрид. наук, проф., акад. РАЕН Г. Ф. Ручкина выступила с докладом на тему «К вопросу об особенностях правового регулирования (комплексности) отношений в банковской сфере».

Профессор Г. Ф. Ручкина посвятила свое выступление вопросам специфики правового регулирования (комплексности) отношений в банковской сфере. Выступающий отметил, что в сфере банковской деятельности реализуется сложный комплекс публичных и частных интересов. Учитывая важную роль банковской сферы в экономике страны, эти интересы максимально должны быть сбалансированы, залогом чего является адекватное и целостное правовое поле в пределах которого и осуществляется банковская деятельность. При этом в науке относительно места банковского права в системе права и законодательства до настоящего момента нет единого мнения. Даже среди ученых, признающих факт существования отдельной отрасли права — банковское право, отсутствует единое понимание его предмета и метода. Банковское право рассматривается и как подотрасль финансового права (О. Н. Горбунова). Ряд авторов развивают идею самостоятельности банковского права. Банковское право рассматривается и как комплексная отрасль законодательства (Е. Ю. Грачева). Нормы, входящие в состав банковского права, могут относиться к конституционному праву (вопросы статуса ЦБ РФ), финансовому праву (отношения, связанные с осуществлением денежно-кредитной политикой или банковским надзором, гражданскому праву (займ, расчеты) и т. д. В этой связи отдельные авторы выделяют две сферы правового регулирования в банковском праве: публичное банковское право; частное банковское право. В то же время комплекс правовых норм, регулирующих банковскую сферу должны отличать целостность и качественное единообразие. Между тем, подчеркнула проф. Г. Ф. Ручкина, отношения в области банковской деятельности органично вписываются в экономическое право Российской Федерации (предмет — часть и целое, а метод (сочетание императивного воздействия и диспозитивных начал) — единообразен.

В заключение доклада проф. Г. Ф. Ручкина сделала общий вывод о том, что с целью

учета выявленной особенности правового регулирования рассмотренных отношений, заключающейся в сочетании частноправового и публично-правового регулирования представляется целесообразным указанные отношения рассматривать в пределах экономического права, а именно в качестве предмета экономического права Российской Федерации.

Следующий доклад был представлен зам. зав. кафедрой финансового права по научной работе МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктором юрид. наук, проф., акад. РАЕН Н.М. Артемовым. Профессор Н.М. Артемов подробно остановился на межотраслевом характере правового регулирования отношений в области парафискалитета (доклад «К вопросу об особенностях правового регулирования парафискалитета: экономико-правовое значение»), а также осветил характерные особенности правового обеспечения этих новых (существенно обновленных общественных отношений), которые в настоящее время вызывают интерес научной общественности и дискуссию в отношении элементного состава, входящего в целостное понятие парафискалитета. Именно межотраслевой характер правового регулирования отношений парафискалитета побуждает утверждать, что такие отношения органично вписываются в предмет экономического права.

Следующий доклад на тему «Сущность и система контроля экономических процессов и его правового обеспечения» представил профессор кафедры «Финансовое право» Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юрид. наук, заслуженный юрист РФ, акад. РАЕН С.О. Шохин. Профессор С.О. Шохин отметил следующие положения.

Контроль в сфере экономики является естественной задачей государства, поскольку оно должно обеспечивать финансовыми средствами реализацию закрепленных за ним функций. Поскольку экономика России основана на рыночных принципах, где мерилом

всего и вся являются деньги, не удивительно, что в последние двадцать лет особое внимание уделялось финансовому контролю. Вопросы финансового контроля получили достаточное отражение и в законодательстве, и в методологии, и в научных разработках, и в практической деятельности. Принято несколько основополагающих актов, регулирующих организацию и проведение финансового контроля. Это — Бюджетный и Налоговый кодексы, ФЗ о Счетной палате РФ, ФЗ о принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований, соответствующие законы субъектов РФ, ФЗ об аудиторской деятельности, ФЗ о бухучете, ПБУ, Положения о федеральных службах, осуществляющих финансовый контроль — бюджетно-финансового надзора, налоговой, таможенной, финансового мониторинга, а также административные регламенты и инструкции, регулирующие практические аспекты их контрольной деятельности, в соответствующих частях — Таможенный кодекс Таможенного Союза и ФЗ о таможенном регулировании в РФ, ФЗ о Банке России и ФЗ о банках и банковской деятельности, вопросы ответственности за финансовые правонарушения вошли в Кодекс РФ об административных правонарушениях и в Уголовный кодекс РФ.

Но отражает ли финансовый контроль в полной мере реалии хозяйственной жизни организаций, как государственных, так и коммерческих и иных частных структур? На этот вопрос нельзя дать однозначно утвердительный ответ. Финансовый контроль является очень хорошей формой обратной связи в экономике, но в силу ряда причин он не всегда отражает всю полноту проблем, связанных с производством товаров и услуг. И здесь важно избежать перекосов в оценочных понятиях. Вспомним, как до семидесятых годов прошлого века вся статистика отражала натуральные показатели, которые содержали количественную оценку произведенных товаров и услуг, что в свою очередь в большей степени отра-

жало уровень удовлетворения потребностей населения, в том числе в душевых показателях. С тех пор и по сей день статистика использует стоимостные показатели оценки как макроэкономических и отраслевых результатов деятельности, так и на уровне предприятий, производства товаров и услуг, которые весьма условно способны отразить их количество, а также такие ключевые показатели экономического состояния, как трудоемкость, энергоемкость, качество и производительность труда. Таким образом, реальную картину использования финансовых и материальных ресурсов можно получить только в результате комплексного контроля, включающего в себя оценку всех ключевых аспектов деятельности организации, а не только по финансовому результату.

Это ощущают и законодатели и финансовые контролеры, что можно наблюдать по направлению развития правовой базы финансового контроля, где наряду с контролем соблюдения законности, все большее значение отводится контролю рациональности и эффективности использования финансовых средств. Но в этом случае, наряду с анализом бухгалтерской отчетности и договорной дисциплины, необходимо углубляться в производственные вопросы, а это уже не совсем или не только финансовый контроль.

Кроме того, неустойчивость финансовой системы искажает внутреннюю сущность оценочных показателей. Инфляция, изменения валютного курса, изменение цены денег в зависимости от ставки рефинансирования или ключевой ставки ЦБ изменяют соотношение между деньгами и товаром. В итоге контроль финансов не способен адекватно отразить производственные результаты.

В системе государственного управления довольно распространенным является стереотип, трактующий финансовый контроль как самодостаточное явление. То же касается стоимостных оценок в экономике в целом. При этом и специалисты, и обыватели зачастую упускают из виду главную и единственную

цель экономической деятельности — удовлетворение потребностей населения, обеспечение его, населения, жизнедеятельности. Ценность имеют не сами финансы и не собственно экономика, а их способность обеспечить населению определенный уровень жизни, включая качество жизни. Даже если посмотреть с прагматического экономического угла, для нормального существования общества необходимо обеспечить хотя бы воспроизводство рабочей силы, как новой — рождаемость, содержание, воспитание и образование детей, так и действующей — обеспечение жизненных условий и потребностей, включая отдых, работающего населения.

Любая производственная или организационно-хозяйственная деятельность начинается с расчета потребности в материальных ресурсах, а потом — оценки необходимого финансового обеспечения. В классическом бизнес-плане вначале идет производственный план и только за ним план финансовый. Это говорит о том, что производственные процессы лежат в основе бизнес-планирования, являются главными, а финансы — производными.

Для того чтобы правильно понимать состояние дел в производстве государство использует инструменты налогового контроля, а так же устанавливает правила учета основных фондов, исчисления амортизации и ряд других механизмов. Но является ли, скажем, налог на имущество адекватным отражением стоимости основных активов? При этом используются понятия балансовая стоимость, остаточная стоимость, рыночная стоимость. При этом существует проблема регулярной переоценки основных фондов, где государству приходится из за экономической целесообразности идти на компромиссы, поскольку увеличивая стоимость, повышаются заемные возможности (это плюс), но возрастает налоговая нагрузка (это — минус).

Оценка нематериальных активов в принципе сомнительна, поскольку их цена условна и подвержена постоянным изменениям. Здесь же необходимо отметить также резкий

рост фиктивного капитала, связанный с развитием рынка ценных бумаг и производных инструментов, когда рыночная стоимость корпоративных бумаг и реальная стоимость основных фондов могут различаться на порядки. Периодически финансовые пузыри лопаются, что приводит к необоснованному удару по производственным возможностям.

В принципе налоговый контроль отслеживает правильность уплаты денег в общественные фонды потребления, а государственный аудит — правильность их расходования. Но современное государство занимается не только этим. Имея к тому же социальную направленность государство должно защищать разнообразные общественные интересы, которые могут быть нарушены в процессе хозяйственной деятельности, то есть в ряде случаев ограничивать свободу предпринимателя извлекать прибыль любыми средствами и при этом любыми же путями оптимизировать издержки. И это тоже экономический контроль.

С этого ракурса следует говорить о контроле всех факторов производства. Здесь важно отметить предмет регулирования трудового права, устанавливающего порядок и правила использования трудовых ресурсов, то есть рабочей силы. Нельзя не упомянуть экологическое право и экологический контроль. Здесь же антимонопольное и ценовое регулирование, включая тарифное. Государственный контроль качества продукции частично осуществляется путем разработки технических регламентов и реализуется большим числом профильных государственных и полугосударственных органов, включая, например, Ростехнадзор. Внешнеторговые операции подлежат таможенному, карантинному, ветеринарному, фитосанитарному, транспортному контролю. И таким образом можно проследить более или менее развитые функции государственного контроля практически во всех областях экономики.

Что касается выделения «экономического контроля» в обособленную подотрасль права или учебную дисциплину, то следует

отнестись к этому вопросу с особой осторожностью. Предмет экономического контроля был бы очень широк, законодательная база весьма обширна, структурировать нормативный материал в рамках единой логики вполне возможно, если только отчетливо понимать цели и задачи.

Все это позволяет ставить вопрос *о наличии экономического контроля как самостоятельной собирательной категории, в соотношении ее с экономическим правом.*

Завершил серию докладов руководитель секции РАЕН «Гуманитарные науки и творчество», профессор кафедры мировой и национальной экономики МАМИ, доктор филос. наук, акад. РАЕН **В. Н. Савельев** рассмотрением темы **«Влияние современной геополитики на принципы международного права и мировой экономики»**. Профессор В. Н. Савельев указал на следующие особенности современности.

События, которые мы наблюдаем в наши дни на Украине, в Сирии и в других регионах мира имеют свою предысторию, связанную с геополитикой, принципами международного права и экономического взаимодействия.

Геополитика представляет собой глобальную стратегию, направленную на конкретную территорию или регион мира, на этнос или государство. Она сочетает в себе организацию подконтрольных территорий и условия взаимодействия их с соседними государствами. Принципы международного права и мировой экономики при такой стратегии должны играть ключевую роль, но часто становятся объектом корреляции заинтересованных сил влияния.

В своё время основатель геополитики Фридрих Ратцель (1844–1904) обратил внимание на исторически сложившиеся противоречия между морскими и континентальными государствами [3, с.108, 138–153]. Его последователь Рудольф Челлен (1864–1922) для обоснования термина «геополитика» использовал такие понятия как «топополитика» — давление на государство его внешнего окружения,

«морфополитика» — изучение геометрии государства и его удобство, «физиополитика» — изучение состава территории и потенциала естественных ресурсов. При этом особое внимание он уделял роли народов населяющих те или иные территории и идеологии. Совокупность всех этих факторов и определяет уровень мощи государства. В современном мире всё также, разве что идеология приобрела всеохватывающий характер благодаря информационным технологиям.

Своё понимание геополитики изложил П. Видадь де ла Блаш (1845–1918) в книге «Принципы географии человека». Он ввёл понятие «поссибилизма», то есть восприятия пространства как места реализации воли человека, стремящегося в своей эволюции к последовательной интеграции от частного к общему. Со временем идея эволюции социальных ячеек общества расширилась до планетарного уровня, а вот «поссибилизм» был воспринят мировыми элитами как инструкция к действию, стал составной частью «экономического человека».

Американский контр-адмирал Альфред Мэхэн (1840–1914), разделяя мировое пространство на морские и сухопутные державы, преимущество первых объяснял тем, что они создали торговую цивилизацию и получили в связи с этим право контролировать финансы и торговлю во всём мире. Для такого контроля нужна сила, в первую очередь морская, которая обеспечивает мировое господство. По-видимому, уже несколько поколений военных стратегов США следуют агрессивному принципу А. Мэхэна: «оборона своих берегов начинается у берегов противника».

После завершения первой Мировой войны особый интерес к геополитике народов Европы был понятен: они хотели долгосрочного мира, который, как казалось, был реален через интеграцию. Французы идею объединения Европы и создания мирового правительства приписали П. Блашу, немцы Ф. Науманну и Ф. Листу, русские — А.А. Богданову и т.д.

Кроме выше названных общественных ожиданий на геополитику значительное влияние оказывали интересы национальных элит, занятых переделом сфер влияния не только в Европе, но и в колониях. Именно национальные элиты послевоенной Европы привнесли в азбуку геополитики возможность передела сфер влияния, хотя такая позиция противоречила идеям интеграции и формирующимся нормам международного права.

Созданная Лига Наций (1920–1946) интересы национальных элит постаралась вывести за рамки права, и они в итоге укрепились в идеологии, которая стала доминировать в сфере управленческих решений и влияния на сознание людей (существует множество определений и классификаций идеологии. Самое важное в идеологии то, что она представляет собой взаимосвязанную систему идей, опирающихся на несколько базовых утверждений характеризующих реальность. Система таких идей ориентирована на человеческие практические интересы, включает в себя механизмы манипулирования и управления людьми путём воздействия на их сознание).

Дальнейшее развитие геополитики стало напоминать джазовую музыку, когда заданная мелодия начинает интерпретироваться каждым отдельно солирующим инструментом. Одним из таких заметных интерпретаторов стал Хэлфорд Макиндер (1861–1947), предложивший делить мир по принципу «свой» — «чужой». За основу он также взял противостояние морских и сухопутных держав, к первым отнёс страны всего западного полушария, включая и Британские острова, а ко вторым — страны Евро-Азии и Африки^[4].

По мнению Х. Макиндера такое толкование геополитики было исторически оправдано, потому что между странами Моря и Суши есть существенные отличия в традициях, религиях, культуре, в целевых устремлениях. Например, первые осваивали морские просторы, а вторые — туруанские земли. В конечном итоге сформировались различия в восприятии материальных приоритетов

и организации экономического пространства. Сушу Маккиндер назвал «Хартлендом», т.е. континентальным мировым островом, представители которого со временем стали стремиться к Морю. Запад эту тенденцию воспринял как экспансию и стал ей всячески препятствовать. Такое противостояние сформировало «географическую ось истории», разделившую мир на «своих» и «чужих». «Чужие» западной идеологией были объявлены носителями зла, но по мере продвижения Запада на Восток в конце XX в. круг «чужих» стал сокращаться.

Николас Спикмен (1893–1943) в общую мелодию геополитики привнёс свою интерпретацию в виде «фронтальной линии геостратегии», включающей в себя граничные зоны соприкосновения Суши и Моря. Эту линию он назвал «Римлендом», она, по его мнению, проходит через часть Европы, Средний Восток, Индию, Китай, представляет собой зону потенциальных конфликтов. Эта зона подвижна, события, которые в ней происходят, связаны с противостоянием «своих» и «чужих». Для западных элит подобная формулировка является первостепенной, а нормы международного права, экономического сотрудничества — второстепенными.

Стивен Коэн, американский друг М. С. Горбачёва ввёл в современную геополитику понятие «энтропии», которая характеризуется уровнем неопределённости, хаоса, утраты динамической энергии. Разумеется, энтропия, по мнению С. Коэна, проявляется незначительно в странах Запада, зато весьма заметна в «Хартленде» и на Среднем Востоке, самый высокий её уровень в «чёрной» Африке и в Латинской Америке. Низкоэнтропийные страны (США, ЕС, Япония) смогли создать свой однополярный мир, когда в начале 90-х годов XX в. Море победило Сушу. После этого эпохального события в геополитике несколько лет господствовали мондиалистские идеи планетарного единения, но под руководством США.

Расширение НАТО на Восток, развал Югославии, политика противопоставления

народов, входящих раньше в СССР, втягивание в Европейский Союз стран Восточной Европы, применение политики двойных стандартов в отношении Грузии, Прибалтики и Украины — все эти действия стали обыденностью однополярного мира и геополитических решений. При этом цель Запада не изменилась: любыми способами распространить контроль на евразийскую «опорную территорию». Под «опорной территорией» подразумевается Сибирь, большая часть Средней Азии, Восточная Европа, часть Центральной Европы. Как видно определённые успехи в этом направлении уже имеются.

Среди европейской политической элиты давно утвердился миф, что контроль над «опорной территорией» даст возможность управлять всем миром. Ради такой цели западная элита готова поступиться частью своих экономических преимуществ, признать «цветные» революции проявлением демократии, способствовать распространению насилия и разрушения. Именно таким образом они структурировали свой глобальный мир, в котором колониальные устремления «белого человека» заменили лозунгами демократии, экономической стабильности, либерализма. По мнению А. Зиновьева, если США и Западная Европа свернут существующую модель глобализации, то уже спустя два-три года для них это обернётся катастрофой, поэтому они и действуют не как злонамеренные субъекты, а исходя из принципов выживания.

Самой слабой стороной Запада остаётся существующая Ямайская мировая финансовая система. Элиты сырьевых государств, используя суверенные фонды, активно наращивают свои зарубежные инвестиции, приобретая акции и другие активы в промышленно развитых странах. Ответные протекционистские действия США, Германии, Великобритании оказались малоэффективными. Например, на Лондонской бирже, на американской бирже НАСДАК (NASDAQ) совладельцами стали арабы, сетевые магазины перешли под контроль китайцев, а в Германии А. Меркель

требует противостоять враждебным захватам немецких банков и предприятий и т.д. Сложилась крайне не простая ситуация в финансовой системе Запада: их финансовые регуляторы в лице МВФ, Всемирного банка, ЕБРР и другие постепенно стали терять своё привилегированное положение. На этом фоне развивающиеся экономики стран БРИКС переходят к расчётам в национальной валюте, создают собственные фонды экономического развития, превращая идею однополярного мира в решето. Чтобы компенсировать потерю геополитического преимущества страны Запада сделали акцент на идеологию и своё информационное господство. основополагающие нормы международного права (назовём основные из них: запрещение применения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела государств, равенства и самоопределения народов и наций, уважение прав и основных свобод человека, территориальной целостности государств, уважения государственного суверенитета, добросовестного выполнения международных обязательств и другие) также стали объектом манипуляции.

Современная цивилизация разительно отличается от того мира, который был 40–45 лет назад. В прошлом мировая система основывалась на неравноправной взаимозависимости развитых и развивающихся государств, сводимой к экономической эксплуатации развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Подобная система предполагала доминирующую роль геополитики, которая ещё больше усиливалась в условиях конфронтации и противостояния мировых социальных систем. Геополитика предполагала адекватные ответы против любого выпада враждебной идеологической системы, что объективно вело к созданию эффективных механизмов сдерживания и перевода сложившегося противостояния «по всему периметру» в сферу технико-экономической и идеологической конкуренции.

В настоящее время развитые страны мира, благодаря развитию высоких технологий, на-

уки и техники, совершили такой рывок в экономическом развитии, который позволил их экономическим системам стать самодостаточными и сформулировать выгодные для своих стран условия внешней и внутренней стабильности.

Следует помнить, что был запущен и реализован проект, направленный на реорганизацию целого ряда важнейших геополитических территорий, включая Восточную Европу и СССР. В данном случае геополитическое проектирование сыграло основополагающую роль. В СССР такого проекта не было, а идеологические постулаты о классовой борьбе в геополитическом противостоянии были малоэффективны. Справедливости ради напомним, что в Советском Союзе всегда популярной была идея кого-то догнать и перегнать, но она осуществлялась как некий гибрид, включающий в себя западную модернизацию и советскую специфику.

В современной России эта традиция сохранилась, но в рамках конкуренции либеральной демократии, которая контролирует финансово-экономический блок и частично государственников, стремящихся использовать российскую специфику для осуществления модернизационных преобразований. России в наши дни нужна наступательная геополитическая стратегия. Пока ясно одно, что геополитические устремления российской элиты направлены на вытаскивание страны из развалин либеральных преобразований, перестройку всей системы национальной экономики с учётом технологических и управленческих мировых стандартов. Возможно, этот процесс был бы более эффективен, если бы мы имели ясно сформулированную свою идеологию, чёткую национальную идею. Например, в отличие от лозунга «Америка превыше всего», концепции «великого Китая», модели «элитарной Европы» и т.д., Россия может претендовать на некую планетарную соборность, роль планетарного миротворца, центра сглаживания противоречий между Востоком и Западом, местом достижения консенсусов

на планетарном и региональном уровне. Эта миссия для России не будет надуманной, потому что она свойственна её поведенческому и историческому императиву, географическому расположению её территорий и даже российскому менталитету: «прежде думать о других, а потом о себе».

Россия всегда была центром пересечения культур Востока и Запада, важным транспортным и торговым планетарным узлом континента, а теперь ещё и мира. Реализация такого проекта может быть далёкой перспективой, но работа над ним может и должна привести новый импульс не только в формировании планетарной общности, но и в понимании россиянами своего места в мире.

Далее по ходу конференции состоялась серия научных диалогов.

Так, впервые в истории отечественной юридической науки экономическое право было подвергнуто исследованию учеными в области теории права (Научный диалог «Экономическое право и теория права»). С основным сообщением выступил профессор кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП, канд. юрид. наук Н. А. Тузов.

В своем докладе «Экономическое право — выражение логичного изменения российской системы права?» проф. Н. А. Тузов отметил следующее. Экономическое право — относительно новое для общей теории государства и права понятие, которое требует своего обоснования и определения его значения, имеющих свою методологическую основу.

Методологически *верные* понимание, объяснение и моделирование экономического права *возможны* только при его рассмотрении *в свете основных категорий* общей теории государства и права, в том числе категорий правопонимания, права, системы права, функций государства, целей, принципов и форм права, предмета и метода правового регулирования. Следовательно, обоснование и определение значения экономического права должны исходить из его соответствия данным категориям.

В связи со сказанным можно заметить, что *формально-логически* экономическое право имеет *основание* для своего выделения в виде широко признаваемой в общей теории государства и права такой внутренней функции государства, как *экономическая функция*, связанная с *внешнеэкономической деятельностью* государства как его внешней функцией. Осуществление этой функции имеет определённые формы — организационную и правовую. Обобщённо их можно назвать *юридической формой* экономической функции государства. Концентрированно данная форма может быть, соответственно, названа *экономическим правом*. Вот почему его формально-логическим основанием является *экономическая функция* государства как его взаимосвязанные внутренняя и внешняя функции в условиях глобализации.

Однако выделение отраслевых видов права *по функциям* государства не является общепринятым в общей теории государства и права, поскольку такое выделение, во-первых, имеет слишком большое смешение и аморфное обобщение предметов правового регулирования. А во-вторых, имеются такие функции государства, например, осуществление правосудия, идеологическая, политическая, культурная, которые трудно или даже невозможно обозначить, назвать обособленным правом. Поэтому название «экономическое право» с данной точки зрения представляется недостаточно логически основательным, особенно в рамках системы права, состоящей из отраслей, подотраслей и институтов, субинститутов права. Это значит, что выделение экономического права по экономической функции государства не является убедительным, безупречным.

С точки зрения российской системы права *экономическое право* как терминологически обособленное явление логически может и должно рассматриваться только в качестве крупного элемента этой системы права. А таким крупным элементом традиционно явля-

ется *отрасль права*, или *подотрасль* определённой отрасли права.

Поскольку отрасли права теоретически выделяются в соответствии с определёнными критериями — *предметом и методом, целями и принципами регулирования общественных отношений, наличием кодексов*, то и в отношении экономического права как отрасли права должны быть применены такие обособляющие критерии. Если оно будет соответствовать данным критериям, начиная с его предмета регулирования, значит, оно будет отраслью права или подотраслью определённой отрасли права, либо ещё *чем-то новым и масштабным* в российской системе права, но в её иной структуре, отличной от традиционной отраслевой структуры.

Предположим, что экономическое право является особой отраслью российской системы права, которую инициаторы данной научной конференции предлагают назвать «комплексной мегаотраслью». В таком случае встанет вопрос, прежде всего, об её *предмете регулирования* как основании выделения экономического права в российской системе права.

Надо сказать, что исходный вопрос о *предмете* экономического права представляется всё ещё достаточно неопределённым и дискуссионным. Лишь формально-логически здесь напрашивается ответ, что предметом экономического права являются *экономические отношения*. Но что они собой обособленно представляют с точки зрения их правового регулирования — это точно и полно *неизвестно*, поскольку в юридической науке и в действующем праве используются такие термины, как *имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, предпринимательская деятельность, корпоративные отношения*, иная экономическая деятельность и т.д. Но поскольку экономические отношения с очевидностью относятся к экономике, следует обратиться к определению этих отношений в экономической науке.

С точки зрения действительной экономики, экономические отношения — это *общест-*

венные отношения производства, распределения, присвоения, обмена и потребления материальных и в известном смысле духовных благ, осуществляемые исторически определёнными способами. В этом значении данные отношения близки к имущественным отношениям, входящим в предмет гражданского права, и даже совпадают с ними. Это, заметим, вызывает вопрос о *соотношении* гражданского права и прочих новообразованных отраслей права, имеющих имущественный характер (предпринимательским, экологическим, корпоративным, налоговым и др.), с экономическим правом.

Вместе с тем при широком понимании предмета экономического права как всевозможных имущественных и связанных с ними иных отношений в государственно организованном обществе, включая налоговые, административные, уголовные, экологические и т.п. отношения, которые в совокупности, как сказано выше, предлагается назвать «комплексной мегаотраслью», приходится идти к выводу, что экономическое право — это *жизнедеятельное право*, регулятивно охватывающее всю жизнедеятельность общества. Думается, что это — крайность, вызванная неправильным определением предмета такой отрасли права. Неправильным потому, что в него включаются не только собственные (в данном случае главным образом имущественные) отношения, но и *связи с ними* других предметных отношений, составляющих предметы регулирования *других* отраслей права. Это является нарушением смысловых правил «бритвы Оккама» — «отсекай лишнее» и «не умножай сущности без необходимости в этом».

С точки зрения предметного содержания отрасли права сказанное означает, что в неё включаются не только соответствующие нормы и принципы права, но и системные *связи с ними* норм и принципов *других* отраслей права. Такое включение названных связей представляется нелогичным, поскольку они не тождественны нормам и принципам права. Эти связи создают впечатление *отсутст-*

вия границ между отраслями права. Но такие границы всё-таки существуют, будучи нечеткими, как образно размытые границы в радуге между составляющими её разноцветными полосами. Система права образно как раз является такой «радугой», состоящей из взаимосвязанных, взаимопроникающих (через данные связи) друг в друга её отраслей права.

Ввиду сказанного к предметному содержанию экономического права логически следует относить только нормы и принципы права, которые непосредственно регулируют отношения производства, распределения, присвоения, обмена и потребления материальных и в известном смысле духовных благ. К их числу должны относиться и технико-юридические нормы, непосредственно регулирующие субъектно-объектные отношения главным образом производства данных благ (госстандарты, технические регламенты, методики, СНиПы и т.п.). Здесь видится и неизбежная целевая связь экономического права с моралью, в первую очередь через принципы справедливости и гуманности.

Однако выделение одного экономического предмета регулирования с его предметным содержанием представляется недостаточным для обоснования экономического права как особого правового образования под названием, как сказано, «комплексная мегаотрасль». Требуется ещё и выдвижение цели («дерева целей») этого экономического права, без которой оно является достаточно аморфным. Это обусловлено *различным* пониманием *экономических отношений* (экономики) в зависимости от *их целей-мотивов*. Это замечено ещё Аристотелем, определявшим *экономику* как искусство ведения хозяйства в *целях удовлетворения потребностей людей* и извращённо отличную от неё *хрематистику* как организацию и ведение хозяйственной деятельности с *целью получения прибыли*. Заметим, что именно такие отношения с материалистической точки зрения (в материалистическом правопонимании), по мнению проф. В. М. Сырых, изначально образуют *объективное право*

в экономическом смысле, а точнее — частное объективное право как форму экономических отношений.

Следовательно, *предмет экономического права* как юридического выражения *экономики* должен быть связан с её соответствующей целью — удовлетворением потребностей людей, а не со стремлением к получению прибыли, свойственным хрематистике как извращению экономики (неправильной экономике) по Аристотелю. Из смыслового содержания наиболее совпадающего с этим правом российского *гражданского права*, как и предпринимательского, корпоративного права, *неследует*, что оно направлено на цель *экономики*, а *следует*, что оно служит цели *хрематистики*. Это создаёт проблему придания экономическому праву цели именно экономики с исключением цели хрематистики. Иначе экономическое право должно называться *хрематистским правом*. Но это изменение цели должно повлечь за собой и изменение смыслового содержания действующего гражданского права, поскольку оно как средство во многом не соответствует цели экономики по Аристотелю и логически явно (предметно-содержательно) входит в состав экономического права.

Следует здесь заметить, что вследствие *необходимой предметной связи* банковского права с экономическим правом появляется и *необходимость перенацеливания* банковского права с обеспечения устойчивости рубля на обеспечение эффективности предпринимательской и иной экономической деятельности, удовлетворения потребностей людей.

Вместе с тем сам по себе предмет экономического права как предполагаемой отрасли права должен быть содержательно чётко определён с учетом дискуссионного выделения в гражданском праве предпринимательского, корпоративного и иного имущественного права, а также и с учетом налогового права, трудового права, тесно связанных с экономическими отношениями. Это ставит вопрос о *соотношении* экономического права

в первую очередь с гражданским и предпринимательским правом вследствие *совпадения их предметов* (да и методов) регулирования.

Признание экономического права особой отраслью права будет означать необходимость изъятия в его пользу большей части предметов гражданского и предпринимательского, корпоративного права, либо превращение их в *подотрасли* экономического права. Это поставит под вопрос их существование как отраслей российской системы права, что крайне сомнительно и не будет поддерживаться цивилистами, другими правоведами. Следовательно, невозможно логически основательно выделить экономического права в самостоятельную отрасль российской системы права на основе перевода в его предмет регулирования больших частей родственных ему отраслей права.

Если же рассматривать экономическое право как результат *объединения в нём* гражданского, корпоративного, предпринимательского, административного и т.п. отраслей права, выражающий данное право как комплексную отрасль (мегаотрасль) права, то получается *довольно обширная и даже аморфная* совокупность норм и принципов права, в разных аспектах регулирующая экономические отношения. Это создаст перекося в российской отраслевой системе права, что потребует изменения структуры российской системы права. Такое изменение может заключаться в выделении комплексных отраслей (мегаотраслей) *на основе* конституционного права, например, экономического, экологического, финансового, социального права, из которых предметно-логически следуют соответствующие отрасли или подотрасли гражданского, уголовного, налогового, предпринимательского, трудового, бюджетного, патентного и т.д. права. В таком случае придётся говорить о новой структуре системы российского права, что ещё не получило своего необходимого теоретического обоснования и признания.

В связи с этим и материалистически определяющим значением экономических

отношений в жизнедеятельности общества экономическое право как юридическая форма данных отношений может признаваться *особым* правовым образованием в российской системе права, которую поэтому надо понимать в *ином* структурном выражении. Так, на данной конференции по экономическому праву проф. Е. М. Ашмарина предложила считать его *основами* экономических отношений. Представляется, что точнее его можно определить как *правовые основы* регулирования экономических отношений. А такие основы закрепляются в Конституции РФ. Однако в ней отмечается на удивление лишь крайне скудное отражение и закрепление правовых основ экономических отношений в Российской Федерации (о формах собственности, их равенстве и свободе предпринимательской деятельности). В связи с этим экономическое право имеет возможность своего отражения и закрепления в Конституции РФ в качестве особого её раздела — *правовых основ экономической жизнедеятельности* российского общества и государства. Такого его раздела, который входит в число первых (главных) разделов Конституции РФ и непосредственно связан с основными правами и свободами человека и гражданина. Это значит, что речь идёт о *конституционном экономическом праве*, которое будет определять в особенности и разрешение экономических споров, включая их судебное разрешение. Здесь необходимо будет дать регулятивное определение экономической деятельности как экономики по Аристотелю и экономических отношений как общественных отношений по производству, распределению, присвоению, обмену и потреблению материальных и духовных благ в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Вместе с тем в Конституции РФ необходимо закрепить *принципы* экономического права, начиная с принципов *целесообразности, взаимозависимости и эквивалентности* — равнозначности, равновеликости, соразмерности, соотносимости, равновесности (в особен-

ности соблюдения баланса публичных и частных интересов в экономике), равенства и справедливости, допустимого риска в экономической деятельности, социальной ответственности собственников, допустимости государственно-частного партнёрства, допустимости и пределов государственного регулирования экономических отношений, его своевременности (оперативности), стимулирования экономической деятельности и др. Необходимо также и закрепление методов экономического права — императивного, диспозитивного, саморегулирования, рекомендательного и условно поощрительного в их сочетании и доминировании в определённых сферах экономических отношений.

В соответствии с названными целью, предметом, методами и принципами экономического права оно может быть только сочетающим в себе черты частного и публичного права и в этом смысле быть комплексным правовым образованием, в том числе связанным с налоговым (а шире — с финансовым) правом, экологическим, административным, трудовым и уголовным правом. Это повлечёт за собой значительное содержательно-смысловое изменение последних, поскольку они являются в значительной мере обусловленными экономическими отношениями (экономическим правом как их формой) и реализуемым в связи с ними общим смыслом жизни людей.

Наконец, утверждение особенности экономического права теоретически предполагает и определение его форм (включая Конституцию РФ и, скажем, Экономический кодекс РФ) и их связи с формами соответствующего международного права в условиях глобализации и действия «двойных стандартов» с учётом требований сохранения в этих условиях полноты и единства государственного суверенитета России. В итоге должна быть определена система форм экономического права, реализуемых в Российской Федерации, отражающих уровни его установления и сферы его действия. Возможно, понадобится и определение системы актов реализации норм и принципов

экономического права в регулировании российских общественных отношений.

В научной дискуссии в ходе научного диалога «Экономическое право и теория права» приняла участие профессор МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук Л. А. Морозова.

Второй научный диалог («Экономическое право: тенденции развития, проблемы и перспективы»), будучи логическим продолжением первого, был посвящён выведению в плоскость различных официально признанных отраслей российского права, а также отдельных сегментов экономической деятельности, концепции экономического права Российской Федерации.

Так, в ходе второго научного диалога были заслушаны следующие выступления.

Н. Д. Бут, зав. отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юрид. наук, проф., — «Обеспечение прокурором баланса частного и публичного интересов при осуществлении надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности».

Профессор Н. Д. Бут отметила, что явление, обозначаемое понятием «свобода экономической деятельности», весьма неоднородно и многопланово.

Но первое, что можно заметить, анализируя различные его интерпретации, — это то, что уже в самом понятии свободы заложен принцип баланса частного и публичного интересов. Кроме того, достижение баланса публичных и частных интересов является основным условием реализации свободы в обществе.

Так, с одной стороны, свобода проявляется как состояние независимости, а с другой — как действие субъекта по своему усмотрению^[5, с. 28–30]. Таким образом, свобода есть синтез независимости и действия. Однако независимость, взятая как отсутствие зависимости понимаемая как отсутствие ограничений для проявлений частного интереса, является свободой лишь формально, зачастую превра-

щаясь в произвол и анархию. Свобода экономической деятельности индивида как члена общества состоит в первую очередь в способности непротиворечиво сочетать свой частный интерес с публичным интересом.

Особо следует подчеркнуть, что в основе свободы экономической деятельности любого субъекта, будь то индивидуальный предприниматель, хозяйственное общество, государство, лежит экономический интерес, который может быть как публичным, так и частным. Субъектами интересов являются человек, коллектив, общество, государство, а экономический интерес рассматривается как стимул и мотивация их хозяйственной деятельности [6, с. 46]. В этой связи особую значимость приобретает достижение разумного компромисса или баланса экономических интересов, которые могут быть как частными, так и публичными, поскольку их носителями являются производители, потребители, инвесторы, акционеры и иные участники хозяйственных обществ, а также общество и государство.

Необходимость достижения баланса частного и публичного интересов в процессе реализации свободы экономической деятельности требует наличия в обществе конкретных механизмов, основным из которых является наличие единой, объективной и равной меры для всех носителей свободы.

Свойствами такой меры обладает только право. И не случайно многими учеными и философами подчеркивалось, что свобода может реализовываться на уровне государства только в праве индивида делать то, что дозволено законом. Право — это нормативная форма выражения свободы [7, с. 33]. И только баланс публичного и частного права позволяет в полной мере реализовать любую из свобод индивида.

Установив, что основным механизмом достижения баланса частного и публичного интересов при реализации свободы в обществе является право, можно сделать вывод о том, что важной задачей государства является принятие нормативных правовых актов, обеспечивающих как максимальную свободу

экономической деятельности, так и адекватную ответственность за результаты такой деятельности.

Однако только принять такие акты недостаточно, необходимо обеспечить их точное исполнение. Надзор же за точным исполнением таких нормативных правовых актов осуществляют органы прокуратуры, обеспечивая тем самым баланс частного и публичного интересов.

Т. Э. Рождественская, профессор кафедры финансового права МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, выступила с докладом «**Публичное банковское право: понятие, система**». В докладе было отмечено, что в научной литературе традиционно предметом банковского права признаются общественные отношения, возникающие в процессе осуществления банковской деятельности, т. е. предусмотренных законом банковских операций банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, а также (в случаях, предусмотренных законом) — иными субъектами. В настоящее время существует несколько точек зрения на место банковского права в системе права:

- банковское право как институт (подотрасль) финансового права;
- банковское право как самостоятельная отрасль права;
- банковское право как комплексная отрасль права;
- банковское право как отрасль законодательства.

Существует также точка зрения, что «банковское право» — всего лишь удобный термин, который «прочно вошел в профессиональный язык практических работников» [8, с. 4, 5].

С нашей точки зрения, вполне обоснованно выделять в банковском праве две сферы правового регулирования:

- 1) *публичное банковское право*;
- 2) *частное банковское право*.

Как представляется, публичное право в современности — это:

1) право, которое направлено на защиту публичного интереса — интереса государства, общества, народа, неопределенного круга лиц;

2) право, основным принципом которого является субординация, иерархия.

Исходя из этих современных критериев публичного права, к предмету правового регулирования публичного банковского права следует отнести следующие группы общественных отношений:

1) статус центрального банка (а в странах, где орган банковского надзора существует отдельно от центрального банка — статус органа банковского регулирования и банковского надзора), его компетенцию, систему управления (в России центральный банк одновременно является и органом денежно-кредитной политики, и органом банковского надзора);

2) отношения, связанные с осуществлением задач денежно-кредитной политики;

3) отношения, связанные с осуществлением задач банковского надзора, включая:

- отношения, возникающие в процессе государственной регистрации кредитных организаций и лицензировании банковской деятельности;
- отношения, связанные с применением к кредитным организациям мер воздействия со стороны Банка России;

4) отношения, связанные с системой страхования (гарантирования) вкладов в банках;

5) отношения, связанные с противодействием отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

6) отношения, связанные с функционированием национальной платежной системы.

Правовые нормы, регулирующие указанные группы отношений, дифференцируются и группируются в правовые институты, взаимосвязь и взаимодействие которых образуют систему публичного банковского права.

Именно публично-правовые нормы составляют основу современного регулирования банковской деятельности.

На публичное банковское право оказывает значительное влияние международное право. Регулирование современных финансовых рынков в принципе не может замыкаться в национальных границах, так как отсутствие должного регулирования в одном сегменте (географическом или функциональном) финансового рынка может привести к кризису, способному вызвать «эффект домино» на международном уровне.

Кредитные организации в этой связи являются одним из инструментов проведения денежно-кредитной политики. Поэтому необходимо обеспечение их устойчивости — как с помощью экономических методов, свойственных денежно-кредитной сфере, так и методами банковского надзора.

Деление банковского права на публичное и частное с присущими каждому из них своих методов правового регулирования необходимо прежде всего для дифференциации «глубины» правового регулирования государством отдельных аспектов банковской деятельности. Вопросы банковской деятельности, относящиеся к частно-правовому регулированию, предполагают использование диспозитивного метода правового регулирования, основывающегося на равенстве сторон и договоре. Публичное банковское право, базирующееся на публичном интересе, предполагает императивный метод правового регулирования, опирающийся на неравенство сторон и императивные предписания, закрепленные в нормативно-правовых актах, несоблюдение которых ведет к применению к поднадзорным субъектам мер воздействия со стороны регулятора — Банка России.

М. А. Штатина, зав. кафедрой административного права РГУП, канд. юрид. наук, доц., — «Предмет и система административного экономического права в зарубежных странах». Выступление М. А. Штатиной было посвящено понятию, обоснованию и ведущим тенденциям развития административного экономического права в зарубежных странах.

Административное экономическое право как учебная дисциплина и наука изучается во многих странах Западной Европы и Северной Америки. Соответствующее законодательство оценивается как совокупность некодифицированных правовых норм, выделяемых по предмету — экономическим отношениям — и по административно-правовому методу регулирования. В странах континентальной Европы административное экономическое право иногда считается подотраслью административного права.

Целесообразность выделения административного экономического права обычно обосновывается, с одной стороны, необходимостью вмешательства государства в экономическую сферу жизнедеятельности общества, а с другой — необходимостью защиты прав частных лиц от произвола со стороны государства.

В странах Западной Европы и Северной Америки вмешательство государства в экономическую сферу общественной жизни в настоящее время осуществляется, прежде всего, по трем основным каналам: 1) нормативное правовое регулирование экономических процессов (планирование и прогнозирование общественного развития; антимонопольное регулирование; поддержка определенных отраслей и производителей); 2) нормативное правовое регулирование, имеющее экономический эффект (реализация полномочий полиции по обеспечению безопасности, спокойствия и охране здоровья граждан; осуществление социальной политики, направленной на повышение благосостояния граждан; предоставление публичных услуг); 3) экономическая деятельность государства как хозяйствующего субъекта (создание государственных предприятий; управление государственным имуществом и государственным финансами).

В последние годы меры прямого государственного вмешательства в экономику во многих странах вытесняются мерами государственного регулирования, предполага-

ющими определение целей деятельности экономических подсистем, а также установление стандартов безопасности и эффективности.

В странах Западной Европы активно развивается концепция регулирующего государства, сторонники которой стремятся использовать опыт англосаксонских государств и объединить управленческие традиции с новой административной политикой. Императивные нормы предлагают по возможности заменять нормами-стимулами и нормами-рекомендациями; односторонне-властный процесс принятия решений — партисипативным, предусматривающим привлечение профессиональных участников рынка; управленческие функции по разработке правил деятельности, выдаче разрешений и назначению санкций — передавать децентрализованным учреждениям, действующим в качестве юридических лиц публичного права. Новые формы и методы правового регулирования призваны обеспечить эффективное решение накопившихся социально-экономических проблем.

И. О. Краснова, зав. кафедрой земельного и экологического права РГУП, доктор юрид. наук, проф., — «**Экономическое регулирование в области охраны окружающей среды**». В своем докладе проф. И. О. Краснова отметила следующие положения. Институт экономического регулирования сегодня занимает прочные позиции в системе экологического права. Правовые нормы концептуального характера закреплены в ФЗ «Об охране окружающей среды», составляя основу и находясь в единстве и взаимосвязи с налоговым и природоресурсным законодательством. Однако данный институт нуждается в развитии. Поправки 2014 г. к ФЗ «Об охране окружающей среды» уже с учетом имеющего отечественного опыта и позитивной зарубежной практики провели полную реконструкцию системы экономического регулирования.

Статья 14 ФЗ «Об охране окружающей среды», которая ранее давала перечень методов экономического регулирования, отменена. Статья 16, которая вступает в силу с 1 ян-

варя 2016 года, адаптируя законодательство к фактической ситуации, сохранила лишь плату за выбросы, сбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух и водные объекты соответственно, размещение отходов, исключив все иные виды платежей, которые и так, несмотря на закон, не взимались. Статья 17 не только поменяла название с регулирования предпринимательской деятельности в целях охраны окружающей среды на государственную поддержку хозяйственной и (или) иной хозяйственной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, но и саму идею государственного стимулирования экологически благоприятной предпринимательской деятельности. С 1 января 2016 г. предусматривается введение новых статей 16.1–16.5, которые будут детально определять порядок расчета и внесения платы за загрязнение окружающей среды. Плата за негативное воздействие как основной элемент экономического регулирования будет тесно завязан на радикально реформируемую систему экологических нормативов, в том числе основанных на использовании наилучших доступных технологий и переход на комплексные экологические разрешения, введение в силу которых намечается в ближайшие годы. Эффективность этих норм пока оценивать рано, однако имеются основания предполагать, что экономическое регулирование экологических отношений приобретет свой истинный смысл — стимулировать предпринимательскую деятельность к добровольному исполнению экологических требований и ввести справедливую модель распределения расходов на охрану окружающей среды.

Е. Н. Щербак, зам. директора Гуманитарного института МАМИ, доктор юрид. наук, проф., акад. РАЕН, — **«Государственное управление стандартизацией в условиях глобализации»**. Так, в современных условиях глобализации важным фактором жизнеспособности и экономического развития страны является достижение конкурентного преимущества, так как ни одна страна или конкрет-

ная компания не в силах противостоять все более возрастающему влиянию конкуренции, поскольку за «внешней оболочкой» глобализации, призывающей к усилению кооперации и взаимовыгодному партнерству находится жесткая конкурентная глобальная среда. Особенное значение вопрос конкурентоспособности страны приобретает в наши дни.

Место и роль государства в экономике каждой страны определяется эффективностью применяемых мер и средств государственного регулирования, с помощью которых решаются различные социально-экономические и иные задачи. В современных условиях наблюдается усиление государственного воздействия на экономические процессы, меняются организационные формы взаимодействия государственных органов с хозяйствующими субъектами, происходят существенные сдвиги в целях, механизме, аппарате управления, в сочетании государственного и рыночного механизмов регулирования.

Стандартизация является одним из ключевых факторов создания эффективных условий для формирования и реализации государственной промышленной и социально-экономической политики, включая создание активной конкурентной среды, внедрение инноваций, устранение барьеров во внутренней и внешней торговле, увеличение на этой основе объемов инвестиций. При этом мировой опыт свидетельствует, что усилия государства в сфере стандартизации дают больший прирост ВВП, чем действия в сфере тарифного регулирования.

Общепризнанными правовыми формами государственного регулирования выступают законы, подзаконные и судебные акты. «Промышленное общество, основанное на рыночных отношениях и предполагающее значительную свободу выбора, немислимо без правовой системы, без власти закона».

Национальная система стандартизации представляет собой взаимосвязанную совокупность организационно-функциональных элементов, документов в области стандарти-

зации, определяющих в том числе правила и процедуры стандартизации для осуществления деятельности по установлению требований и характеристик в целях их добровольного многократного использования.

Глобализация и ее основная часть экономическая интеграция, для которой характерны ускоряющиеся темпы развития инновационных технологий и формирование глобальных рынков, при усиливающемся доминировании экономически развитых стран подкрепляется, прежде всего, концентрацией в этих странах интеллектуальных ресурсов, позволяющих развивать принципиально новые формы экономических отношений между странами. В этих условиях глобализации, для каждого государства - стандартизация становится важным ресурсом экономического развития государства.

Развитие национальной системы стандартизации представляет собой предметную деятельность государства, которая должна обеспечивать функционирование всех сегментов отечественной экономики. Сама же стандартизация, тенденции ее развития должны являться базисом возникновения новых инновационных сегментов, что возможно только при эффективном государственном управлении, позволяющем раскрыть инновационность, как основную функцию органично присущую стандартизации.

Организационно-функциональную структуру национальной системы стандартизации составляют:

- национальный орган по стандартизации (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии);
- федеральные органы исполнительной власти, а также организации, осуществляющие функции государственных заказчиков при выполнении работ по стандартизации;
- технические комитеты по стандартизации;
- совещательные органы по стандартизации;

- межотраслевые советы по стандартизации;
- службы стандартизации юридических лиц;
- организации (в том числе научные), деятельность которых связана с работами в области стандартизации.
- В состав федерального информационного фонда технических регламентов и стандартов входят:
 - национальные стандарты;
 - правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации;
 - применяемые в установленном порядке классификации, общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации;
 - стандарты организаций;
 - своды правил;
 - международные стандарты, региональные стандарты и региональные своды правил, стандарты иностранных государств и своды правил иностранных государств, зарегистрированные в Федеральном информационном фонде технических регламентов и стандартов;
 - надлежащим образом заверенные переводы на русский язык международных стандартов, региональных стандартов, региональных сводов правил, стандартов иностранных государств и сводов правил иностранных государств, принятые на учет национальным органом по стандартизации;
 - предварительные национальные стандарты.

Одним из показателей влияния глобализации на административно — правовые механизмы регулирования в сфере стандартизации является тот факт, что в настоящее время в информационный фонд международных стандартов включено более 24 тыс. стандартов. За период с 2006 по 2010 г. принято и введено в действие более 3000 документов по стандартизации. Уровень их гармонизации с международными стандартами составляет 70%.

К числу основных изменений в области стандартизации обусловленных влиянием глобализации, можно отнести:

- резкое ускорение развития различных сегментов экономики, что в свою очередь, вызывает необходимость изменения акцента от технического регулирования в область стандартизации;
- переход к информационному обществу, вызывающий значительное расширение масштабов конкуренции и необходимость применения новых технологий в области стандартизации;
- возникновение и рост глобальных проблем в мировой экономике и, как следствие, в национальных экономиках, которые могут быть решены лишь в результате международного сотрудничества в сфере стандартизации.

Непременным условием устойчивого развития и нормального функционирования национальной системы стандартизации ее развития в условиях глобализации является согласованная, объективно отражающая реальные процессы в экономике и обществе правовая база.

Законодательную и нормативную основу национальной системы стандартизации в настоящее время составляют:

Конституция Российской Федерации; международные соглашения, регулирующие вопросы стандартизации;

Федеральный закон «О техническом регулировании», определивший правовые основы стандартизации в Российской Федерации, участников работ по стандартизации, правила стандартизации, правила разработки стандартов и добровольность их применения, правила использования документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований национальных технических регламентов;

нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стандартизации;

документы в области стандартизации, используемые на территории Российской Федерации.

Очевидно, что в современных условиях потребности быстро развивающейся экономики, с одной стороны, и необходимость обеспечения стабильности подверженного кризисам глобального рынка, с другой стороны, ставят задачу совершенствования законодательного и, прежде всего, административно-правового регулирования общественных отношений в области стандартизации. Административно — правовые акты в области стандартизации должны быть направлены на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции, на модернизацию, технологическое и социально-экономическое развитие России, на повышение обороноспособности государства и повышение его конкурентоспособности.

К сожалению, анализ правоприменительной практики в области стандартизации свидетельствует, что скудные нормы Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», посвященные стандартизации, устарели, имеют бессистемный, фрагментарный характер, не учитывают роль и возможности стандартизации в современных условиях глобализации, не отражают проводимую в настоящее время государственную политику по международной интеграции страны в мировую экономику. Кроме того заложенные в этом документе цели и принципы стандартизации механически и не в полном объеме заимствованы из уже давно утратившего силу закона «О стандартизации» еще от 10 июня 1993 г. № 5154-1.

Накопившиеся правовые проблемы государственного управления национальной системой стандартизации в значительной степени обусловлены тем, что стандартизация в правовом аспекте пока еще рассматривается только как инструмент обеспечения выполнения требований технических регламентов.

В этой связи стала очевидной необходимость разработки и принятия базового Федерального закона «О стандартизации».

Предложенный Правительством Российской Федерации законопроект определяет стандартизацию как систему правовых отношений между всеми субъектами — участниками работ в области стандартизации, указывая на статус и роль стандартизации как ключевого фактора поддержки государственной социально-экономической политики и эффективного инструмента обеспечения конкурентоспособности отечественной промышленности в условиях глобализации.

В законопроекте закреплены цели и основные направления государственной политики в области стандартизации, которая характеризуется реальным участием в работах в области стандартизации органов государственной власти всех уровней, государственных корпораций, обеспечением координации, в работе органов по международной, региональной и межгосударственной стандартизации, поддержкой бизнес-сообщества в работах в области стандартизации, государственного материального и финансового обеспечения.

В современных условиях глобализации законопроектом определены формы международного сотрудничества — это участие в работе руководящих органов международных и региональных организаций по стандартизации, участие в работе технических комитетов по стандартизации, разработка международных, региональных и межгосударственных стандартов.

Можно выразить уверенность, в том, что с принятием Федерального закона «О стандартизации» в Российской Федерации активно заработает правовая база для построения национальной системы стандартизации, отвечающей современным требованиям и позволяющей решать широкий круг государственных и социально-экономических задач для обеспечения суверенитета страны, единства и целостности ее экономического простран-

ства, диверсификации экономики, преодоления технологического отставания, модернизации российской экономики в целях повышения ее конкурентоспособности в условиях глобализации.

В заключение первой части научного диалога «Экономическое право: тенденции развития, проблемы и перспективы» состоялась научная дискуссия, в которой приняли участие Е. П. Губин — зав. кафедрой предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юрид. наук, проф.; К. Д. Лубенченко — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, акад. РАЕН; П. Г. Лахно — доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук.

В ходе второй части научного диалога были представлены следующие выступления:

Т. А. Тухватуллин, ведущий научный сотрудник отдела НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, канд. юрид. наук, в сообщении «Нарушения закона о государственных и муниципальных закупках — основной коррупционный фактор, выявляемый органами прокуратуры в сфере экономики» отметил приоритет укрепления законности в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд неоспорим. Данный экономический институт наиболее подвержен коррупционным рискам ввиду значительных финансовых ресурсов, осваиваемых посредством закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд. Серьезную роль в укреплении законности в рассматриваемой сфере, помимо органов финансового надзора и контроля, играли и продолжают играть органы прокуратуры, которыми ежегодно выявляются десятки тысяч коррупционных нарушений законов.

С. Г. Хусьянова, старший научный сотрудник отдела НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, — «Надзор за исполнением законов в сфере ЖКХ — одно из приоритетных направлений прокурорской деятельности в экономической сфере» обратила внима-

ние на следующую проблему. Так, несмотря на принимаемые усилия органов государственной власти, органов государственного контроля и правоохранительных органов до настоящего времени не удается обеспечить законность в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), являющейся одной из ключевых отраслей экономики. В этой связи пристальное внимание органами прокуратуры уделяется надзору за исполнением законов в сфере ЖКХ. Проведенные научные исследования, в том числе, анализ докладных записок прокуратур субъектов Российской Федерации, по проблемам прокурорского надзора за исполнением законов в сфере жилищно-коммунального хозяйства позволяют констатировать о системном кризисе в этой области. Распространенный характер имеет необоснованное завышение тарифов, предоставление услуг ненадлежащего качества, нецелевое расходование бюджетных средств. Организациями, осуществляющими управление жилищным фондом, повсеместно нарушаются права граждан путем имущества многоквартирных домов.

Н. И. Землянская, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук, — «К вопросу о систематизации публичных расходов» — отметила, что расширение круга публичных денежных фондов, предназначенных для финансового обеспечения реализации публичного интереса, привело к значительному увеличению общественно значимых расходов, видовое многообразие которых призвано учесть многочисленные потребности государства и общества. Современная финансово-правовая наука дает довольно подробную группировку публичных расходов, при этом основаниями классификации выступают: субъект и объект расходов, форма собственности на расходуемые ресурсы, уровень организации власти в государстве, источники финансирования расходов и другие. Критической оценки заслуживает деление публичных

расходов на законные и незаконные, целевые и нецелевые, эффективные и неэффективные, рациональные и нерациональные, результативные и нерезультативные, адресные и безадресные расходы государства и муниципальных образований. В частности, Ч. Д. Цыренжапов общим свойством оснований для такого деления видит наличие позитивного и негативного в деятельности субъектов расходов^[9], а Н. В. Астафуров называет его важнейшим для теории и практики финансового права, и считает такое разграничение публичных расходов обязательным^[10]. Соглашаясь с таким подходом, можно сделать ложные выводы о важной роли незаконных, нецелевых, неэффективных, нерациональных, нерезультативных и т.п. расходов в реализации государством и муниципальными образованиями своих задач и функций, об их использовании в интересах общества, о том, что отношения, связанные с осуществлением названных расходов подлежат финансово-правовому регулированию ради достижения публичных целей. Думается, указанный подход подрывает само понимание публичных расходов, противоречит взглядам об их сущности, стирает грани между регулятивными и охранительными правоотношениями, возникающими в области публичных расходов.

А. А. Козлачков, адвокат, советник РАЕН — «Правовые формы модернизационного развития». В сообщении было отмечено, что в настоящее время в экспертном сообществе обсуждается вопрос модернизации российской экономики, однако по поводу направлений изменений единства нет. Будучи переведен в юридическую плоскость этот вопрос может быть поставлен следующим образом: должен ли институт модернизации оформляться каким-то особым субъектом права или для решения этой задачи достаточно тех правовых форм, которые сегодня имеются в действующем законодательстве?

В качестве объекта для правового конструирования имеет смысл взять проект развития, представленный академиком С. Ю. Гла-

зевым, который носит название «стратегия опережающего развития». Именно эта концепция, будучи проработана в достаточной степени, целостно и всесторонне пытается охватить весь комплекс экономических изменений. Опережающее развитие означает опережающее становление базисных производств нового технологического уклада и скорейший вывод российской экономики на связанную с ними «волну роста». В свою очередь, новый технологический уклад представляет собой совокупность нано-, био-, а также информационно-коммуникативных технологий, которые берут на себя роль локомотива глобального экономического роста.

В этом проекте особая роль принадлежит государству как ключевому субъекту структурных преобразований, использующему, в частности, особые механизмы планирования.

Я. А. Ключникова, доцент кафедры «Предпринимательское и корпоративное право» Финансового университета при Правительстве РФ, канд. юрид. наук, — *«Правовое регулирование экономических отношений, возникающих в предпринимательской деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства»*. В докладе предложена трактовка категории «экономические отношения, возникающие в предпринимательской деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства». В системе законодательства, регулирующего экономические отношения, возникающие в предпринимательской деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, выделены два уровня: федеральный и региональный. В докладе выявлены недостатки ряда федеральных законов, регулирующих данную сферу, в частности, Федеральных законов от 30 декабря 2004 г. № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса», от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении», от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о по-

вышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и др. Сделаны предложения по совершенствованию правового регулирования экономических отношений, возникающих в предпринимательской деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Н. С. Буднецкий, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ИПЭУ МГЛУ, — *«Переход права собственности: соотношение экономических интересов и обязанностей сторон»*.

Входят ли правовые вопросы в сферу коммерческих интересов? Традиционно, нет. Деловое сообщество заинтересовано в максимизации прибыли при сокращении расходов и себестоимости товара. Юридические тонкости находятся вне сферы интересов предпринимателей до тех пор, пока между сторонами не возникнет спор об одном из условий договора — или условия, которое не было установлено договором вовсе.

К сожалению, в практике международной торговли недостаточно внимания уделяется переходу права собственности: так, напр., ст. 4 Венской конвенции 1980 г. устанавливает, что она «не касается... последствий, которые может иметь договор в отношении права собственности на проданный товар». Момент перехода права собственности определяется по автономии воли сторон.

В российском праве переход права собственности связан с передачей вещи, а передача вещи, в свою очередь — с оплатой товара (п. 1 ст. 223, п. 1 ст. 456 ГК РФ).

По английскому праву продавец не имеет иска о цене (“action for the price”) к покупателю, пока последний не стал собственником. До перехода права продавцу предоставлен только иск об упущенной выгоде (“loss of profit”) при

непринятии товара покупателем (“*for non-acceptance*”).

К помощи специализирующихся на международном торговом праве юристов предприниматели обычно обращаются для решения вопросов (а) количества товара и/или числа отгрузок, (б) сроков поставки (в) качества товара. Проследим существо этих вопросов в их взаимосвязи с переходом права собственности.

Условие о *количестве товара* является настолько важным, что его отсутствие или неопределенность не позволяет говорить о заключенности договора как такового. Статья 14 Венской конвенции 1980 г. устанавливает, что предложение есть оферта, если (а) оно достаточно определено и (б) оферент выражает намерение считать себя связанным при акцепте. Предложение является достаточно определенным, если в нем: во-первых, обозначен товар, во-вторых, прямо или косвенно устанавливаются, либо предусматривается порядок определения количества и цены. Следовательно, *условие о количестве товара определяет принципиальную возможность перехода права собственности на него*.

В международной купле-продаже распространено положение, согласно которому количество товара определяется одной из сторон в одностороннем порядке («*+/-10% in [...] option*»). С количеством товара связаны и другие интересы: напр., поставка в особенной таре, назначение конкретного портового агента. Так или иначе, при согласовании количества товара необходимо прямо оговорить, кто его окончательно определяет: продавец, покупатель или перевозчик.

В случае отклонения поставленного количества от согласованного возникают риски: в случае недопоставки продавцу грозит обязанность возратить полученные деньги или добиваться согласия покупателя на изменение срока исполнения обязанности отгрузки. Как известно, у покупателя при недопоставке возникает риск ответственности за просрочку репатриации денежных

средств по законодательству о валютном контроле.

Поставка излишнего товара особенно невыгодна в экономическом смысле. Покупатель вправе отказаться от него (ст. 52 Венской конвенции 1980 г.). Следовательно, стремление продавца поставить большее количество товара, чем оговорено (даже включая опцион), экономически не обосновано — покупатель не обязан заплатить.

Правовое регулирование *сроков поставки товара* важно с точки зрения обеспечения выгоды сделки для ее участников в любой момент времени. Поставка и оплата — встречные обязанности, что объясняет взаимосвязь их сроков. Однако, продавец — и тем более, производитель, — естественно испытывает более серьезный риск просрочки исполнения, чем покупатель, кто обязан лишь осуществить платеж. В связи с этим положение договора международной купли-продажи «*time is of the essence*» («*время важно*») больше применимо к платежам, чем непосредственно к поставке. Как указано выше, *переход права собственности часто обусловлен оплатой товара*.

Статьи 37–38 Венской конвенции 1980 г. содержат принцип ускоренного, эффективно исполнения продавцом своей обязанности по поставке товара: покупатель обязан осмотреть товар в такой короткий срок, который практически возможен, а в случае досрочной поставки продавец имеет право устранить недостатки товара. Такие правила создают для продавца стимул поставить товар как можно скорее.

Если покупатель или договор не определяет дату поставки, поставка допускается в любой момент периода (ст. 33 Венской конвенции 1980 г.). Именно таким образом реализуется и автономия воли сторон, определивших даты поставки как «*[fairly] evenly spread*» («(справедливо) равномерно распределенные по всему периоду»). Если договор не содержит указания на дату или период поставки, то она должна быть осуществлена в разумный

срок после заключения договора. С учетом вышеназванного принципа эффективного исполнения, видится оправданным стремление поставить товар как можно скорее.

Наиболее ясно соотношение прав и коммерческих интересов продавца и покупателя выражаются при описании в договоре *качества товара*. Условие о качестве зачастую описывает производственный или хозяйственный процесс, налаженный продавцом, поэтому именно по формулировке условия о качестве — с учетом предположения добросовестности сторон — покупатель может сформировать представление о профессиональных качествах своего контрагента.

Качество товара может определяться договором как *standard* («стандартное»), *typical* («типичное»), *average* («среднее»), с другой стороны, может декларироваться соответствие государственным стандартам и данным физических и химических измерений. Суды системы общего права определяют соответствие качества товара требованиям договора, используя три теста: (а) была ли бы цена той же, если бы покупатель знал о качестве?; (б) есть ли общее понимание уровня качества в индустрии?; (в) каково «разумное качество»: спрос при данной цене + качество по ранее исполненным договорам (ст. 35 Венской конвенции 1980 г.). На практике часто используются положения, устанавливающие пресекательный срок для подачи претензий по качеству товара. Покупатель не может снизить цену товара, если продавец без задержки устранил недостатки (ст. 50 Венской конвенции 1980 г.).

Отдельным вопросом является пригодность товара для конкретной цели (перепродажи, употребления в пищу и проч.). В соответствии с прецедентным правом, а также согласно ст. 35(2) Венской конвенции 1980 г. если покупатель прямо или косвенно сообщил о целях покупки на этапе заключения договора, то продавец обязан поставить пригодный товар. По этой причине в договорах, подчиненных английскому праву, можно встретить

положения о том, что пригодность товара для каких-либо целей не гарантируется. Таким образом, качество товара отражает поведение (производственный процесс) продавца и непосредственно влияет на цену товара. *Качественное несоответствие товара — основной мотив покупателя для отказа от него, т.е. отказа от приобретения права собственности.*

Понимание взаимосвязи перехода права собственности и экономических интересов сторон позволяет минимизировать расходы на заключение и исполнение сделки. В целом, привлечение денежных средств (инвестиций) под контроль российских лиц видится сегодня национальным приоритетом, требующим или (а) предоставления покупателю (инвестору) дополнительных прав и гарантий, или (б) снижения цены товара взамен на ограничение ответственности продавца и установление дополнительных обязанностей покупателя. В целом, понимание экономических интересов сторон предоставляет юристу гибкую и этичную позицию в переговорной работе.

Е. В. Терехова, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности РГУП, канд. юрид. наук, — *«Некоторые проблемы минерально-сырьевого комплекса и пути их решения (финансово-правовая, экономическая характеристика инвестиционной модели)».*

В своем выступлении Е. В. Терехова провела комплексный финансово-правовой анализ некоторых проблем в области минерально-сырьевого комплекса (МСК), а также прокомментировала предложения, направленные на решение задач в рассматриваемой сфере.

Вместе с тем докладчик предложила к рассмотрению универсальную систему инвестиционной модели и охарактеризовала каждый элемент (подсистему) (инновационно — институциональная, кредитно-финансовая, подсистема государственной поддержки инвестиционной деятельности) модели в отдельности.

Докладчик акцентировала внимание на экономических и правовых аспектах, от-

ражающих общую ситуацию в сфере МСК. Е. В. Терехова подчеркнула значимость МСК при переходе к инновационному типу развития экономики страны, и отметила, что сырьевой сектор играет важнейшую роль в формировании экспортной выручки и доходов бюджета, минерально-сырьевая продукция составляет более 70% объема российского экспорта.

В докладе были рассмотрены следующие проблемы: неэффективное использование бюджетных средств в рамках геологического изучения недр ранних стадий; проблематика в налоговой сфере; в области контрактной системы и другие.

Г. В. Матвиенко, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности, зам. декана по учебной работе факультета подготовки специалистов для судебной системы очной формы обучения (очный юридический факультет) РГУП, канд. юрид. наук, — «*Таможенное право как отрасль права: приглашение к научной дискуссии*». В докладе говорится о том, что в советское время и современный период по заявленной теме было высказано несколько точек зрения: от рассмотрения таможенного права в качестве подотрасли административного права [11, с. 24–25]; признания его в качестве отрасли российского законодательства [12, с. 6, 7; 13, с. 27]; аккуратного предположения, что в будущем оно сформируется в самостоятельную отрасль права [14, с. 19]; наконец, до отнесения таможенного права к отраслям права [15, с. 139–145; 16, с. 42, 43].

Традиционно споры возникают по вопросу самостоятельности предмета правового регулирования.

Ядро предмета таможенного регулирования образуют общественные отношения, связанные с перемещением товара через таможенную границу Таможенного союза, и властные отношения между таможенной и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами (ст. 1 ТК ТС). Таможенное законодательство регламентирует и организационные отношения,

обслуживающие основные: связанные с построением и функционированием системы таможенных органов, обретением правового статуса лиц околотаможенной инфраструктуры: таможенных представителей, таможенных перевозчиков и др. (ч. 2 ст. 1 Закона о таможенном регулировании).

Такое разнообразие природы перечисленных общественных отношений, порождает сомнения в среде ученых. Типичным является следующее мнение: если указанные отношения урегулированы нормами различного уровня (международного и национального), нередко — разной отраслевой принадлежности (административно-правовыми, финансово-правовыми, гражданско-правовыми), значит, они и не образуют предмета самостоятельной отрасли права. При таком подходе таможенное право может претендовать лишь на звание отрасли законодательства, поскольку комплексных отраслей права не существует.

Автор настоящей работы полагает несостоятельной научную теорию отрицания комплексных отраслей права [17, с. 238]. Они формируются «скорее вопреки, чем благодаря теоретическим усилиям правоведов». Своим существованием «комплексные отрасли обязаны объективным тенденциям в развитии системы права» [18, с. 40], добавим, применительно к таможенному праву, — и воле глав государства или группы стран, обусловленной интеграционными процессами.

Действительно, отдельные нормы таможенного законодательства одновременно входят в состав других отраслей права, однако это «не опровергает вывод об их принадлежности к таможенному праву», это нормы «с двойным применением», их наличие не умаляет самостоятельности отрасли права [16, с. 42, 43].

Насколько известно докладчику, научных исследований о методе таможенного права не существует.

Теории структуры метода правового регулирования, предложенные в науке [19, с. 155, 156],

не исключают, а взаимно дополняют друг друга ^[20]. Их изучение применительно к таможенному праву позволяет заключить, что императивный и диспозитивный типы правового регулирования в совокупности с тремя основными формами правового воздействия (дозволение, предписание, запрет) обретают свойственную только таможенному праву «окраску», образуя *каркас структуры его метода*. Специфика метода таможенного права проявляется (по С. С. Алексееву): в *правовом положении субъектов* (например, таможни и декларанта); *юридических фактах* (для таможенного права типичны фактические составы); *способах формирования прав и обязанностей* участников правоотношений (наличие юридических процедур обретения правового статуса таможенного представителя, например); *характере юридических санкций* (здесь преобладают имущественные санкции, например, пени). Еще один признак метода — особое влияние *национальных и интересов интеграционного образования, традиционных задач таможни по охране границы, пополнению казны и содействию торговле на выбор инструментов правового воздействия*.

Учитывая процедурно-процессуальный характер отношений, возникающих при решении индивидуально-конкретного таможенного дела о перемещении товара по существу, *специфичность метода* таможенного права проявляется в наличии *процессуальной формы* взаимодействия таможни с декларантом и иными участниками. Обычно этот признак метода типичен для традиционных процессуальных отраслей права ^[21, с. 91, 92].

Наличие кодифицированных актов и международных договоров, особых принципов таможенного регулирования также свидетельствуют в пользу самостоятельности отрасли.

Несмотря на активное развитие науки таможенного права, значение его как учебной дисциплины федеральными образовательными стандартами, к сожалению, недооценивается. Это приводит к снижению качества

знаний студентов направления подготовки «Юрист», которые в своей профессиональной деятельности неизбежно столкнутся с экономическими спорами.

В научной дискуссии принял участие **В. А. Белов**, профессор кафедры административного и финансового права РУДН, канд. ист. наук, выступив с сообщением на тему «*Развитие международного экономического права в XXI в.*», сделав акцент на генезисе понятия «международное финансовое право».

Еще 15 лет назад в 2000 г. В. М. Шумилов предполагал, что «вполне оправданно ожидать появления самостоятельных учебных курсов на базе отдельных отраслей, институтов международного экономического права или их составляющих с различным соотношением публично-правового и частного-правового элемента — таких, например, как международное торговое право, международное финансовое право, международное инвестиционное право, международное банковское право, международное страховое право» ^[22, с. 42]. Не прошло и 10 лет как его предсказание сбылось и целая когорта институтов международного экономического права «практически все предложенные» появились на небосклоне финансового права России. Причем сам же В. М. Шумилов уже в 2005 г. написал и опубликовал учебник «Международное финансовое право», где наметил его понятие и структуру. Давайте рассмотрим историю вопроса.

Понятие международного финансового права логично происходит из сущности мировой финансовой системы, которая пока не имеет своего однозначного определения.

Одни авторы считают, что это система «национальных и международных регуляторов финансового оборота, формирования, распределения, использования финансовых средств на мировых финансовых и товарных рынках» ^[23, с. 17]. Другие — как «явление, охватывающее различные группы взаимосвязанных общественных отношений по поводу трансграничного движения капиталов, воз-

никающих в результате функционирования банковских систем и мирового финансового рынка, осуществления международных платежно-расчетных и валютных операций, реализации инвестиционных проектов, а также в рамках кредитных отношений и урегулирования суверенных долгов»^[24, с.14]. В. М. Шумилов полагает, что «международная финансовая система сама по себе настолько сложное явление, что в ней можно выделить отдельные компоненты трансграничного движения финансовых средств: предметного, субъективного, регулятивного, функционального и идеологического»^[25, с.27].

Каждый из ученых прав, но разъяснить такие определения на шести страницах учебника, нам кажется не совсем верным, т.к. одни авторы отмечают глубокую связь международного финансового права с международным частным правом и публичным правом. Другие включают его в состав международного экономического права^[26, 22, 27], а третьи — порождением международного налогового или валютного права^[28, 29].

Нам кажется, что наилучший критерий выделения международных финансовых отношений предложил Е. А. Ровинский, который в своих работах выделил следующие международные финансовые отношения:

- 1) наличие единого объекта для всех видов отношений — денег или денежных обязательств;
- 2) образование данных отношений в процессе внешней деятельности государства, при выполнении его внешних функций и задач, либо при возникновении денежных обязательств между гражданами или юридическими лицами различных государств;
- 3) межгосударственный характер отношений, обусловленный их реализацией в рамках компетенции внутригосударственных органов, связанных с финансовой деятельностью государства, с его финансовыми и кредитными институтами;
- 4) отражение финансовых обязательств, возникающих в межгосударственных финан-

совых отношениях, в национальных государственных бюджетах, платежных балансах государств и других государственных финансовых актах;

5) обусловленность этих отношений национальным доходом государства, прямым или косвенным воздействием на его распределение и перераспределение^[30, с.60–68; 31].

В этих работах Е. А. Ровинский предлагал относить финансовые, кредитные, расчетные и валютные отношения к международным финансовым отношениям.

В статьях Е. А. Ровинский соглашается с мнением М. Верадьского о необходимости структурирования международного финансового права (МФО) по аналогии с внутригосударственным финансовым правом, включив в его предмет международно-бюджетные, денежно-кредитные, международные налоговые и страховые отношения^[32].

Примерно в эти же семидесятые годы прошлого столетия предметом и источниками МФО занимается В. И. Лисовский (зав. кафедрой права Международного финансового института в г. Москве). В своих статьях и учебниках он исследует соотношение МФО с национальным правом, его связь с международным публичным правом, и предлагает включить в его систему правовое положение международных финансовых организаций, международные валютные отношения, финансовые вопросы в международных договорах и соглашениях о помощи, правовые вопросы фондов международных организаций и финансового контроля за их деятельностью, и даже правовые вопросы финансовой ответственности за неисполнение международных обязательств^[33].

В. И. Лисовский писал: «В отличие от внутригосударственного, международное финансовое право имеет координационный, а не субординационный характер, поскольку субъектами последнего в первую очередь являются государства, отношения между которыми должны строиться не на принципах соподчинения, а на принципах равенст-

ва и взаимного согласования своих интересов» [34, с.134, 135].

По мнению В. И. Лисовского, международные финансовые отношения представляют собой разновидность международных экономических отношений. В качестве одной из главных особенностей международного финансового права ученый называл его тесную связь как с международным публичным правом, так и с международным частным правом, признавая межгосударственный характер международных финансовых отношений [34, с.370].

Следует отметить, что до наступления XXI в. советские и российские авторы уделяли достаточно мало внимания международному и сравнительному финансовому праву и только ученые МГИМО (Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко и М. А. Энтин) и РУДН (Н. А. Куфакова, В. А. Белов) посвящали свои статьи и учебники его исследованию.

Можно согласиться с Г. В. Петровой, что «многие советские авторы сводили предмет финансового права к отношениям формирования и распределения государственных финансов и связанной с ними системе органов исполнительной власти» [35, с.15, 16]. Но перестройка и развал СССР, вхождение России в международные финансовые организации, клубы и союзы обратили внимание ученых на сравнительно-правовую составляющую финансового права и многие восприняли доктрину международного экономического, а затем и финансового права, отделяя его от МП, МЧП и МЭП.

Все их воззрения замечательно изложены в указанной работе Г. В. Петровой [35, с.27–33].

Определяя МФП, В. М. Шумилов отталкивается от тех же международных финансовых отношений, что и Е. А. Ровинский, но расширяет значение своим предупреждением, «что МФП — это:

- только часть международной финансовой системы (забывая о том, что единого русского или общемирового понятия этой системы еще не существует /прим. автора);

- подотрасль МЭП, которое является отраслью международного права;
- однако МФП имеет свой предмет регулирования и свои особенности;

— МФП тесно взаимодействует с другими нормативными комплексами, задействованными в регулировании внутригосударственных и международных финансовых отношениях, и, более того, переплетается с ним.

И в этом смысле МФП — часть международной нормативной системы и часть формирующегося глобального права» [36, с.42–45].

И здесь же критикует А. Б. Альшутера за его доктрину о том, что МФП не может иметь смешанного характера предмета, а Г. В. Петрову — за предложение определить МФП как самостоятельную отрасль права. И что, если учебная дисциплина МФП строится по смешанному комплексному методу, то наука МФП — только публичная — это не значит, что в ней могут быть объединены предметы других наук [36, с.46].

У нас на глазах выросли как отрасли права — коммерческое и предпринимательское право. Все знают, что «ценные бумаги» — как вещи гражданского права переросли в «правовое регулирование РЦБ» — институт финансового права. Банковское и валютное право тоже выросли до подотраслей финансового права. За последние двадцать лет бухгалтерские стандарты отчетности, регулирование аудита и страхования через международное согласование и принятие международных норм вернулись во внутреннее национальное право через инкорпорации и стали обязательными для публичных и частных лиц.

А создание национальных платежных систем? В. М. Шумилов делает вид, буд-то не знает, что любой гражданин из любой развитой страны может проводить транзакции в любой валюте (Закон о национальной платежной системе РФ 2011 г.). То же — с покупкой и продажей ценных бумаг, игре на рынке ценных бумаг. Большинство IPO российских публичных корпораций проводится на Лондонской бирже, потому что публичное право России их

Таблица 1.

Предложения Г. В. Петровой	Предложения В. М. Шумилова
<p>Система науки МФП должна по возможности включать соответствующие блоки учебных курсов международного частного права, налогового, банковского, страхового, валютного, инвестиционного права, международного экономического права;</p> <p>нормы и принципы международных финансовых отношений;</p> <p>международные типовые финансовые контракты;</p> <p>v- международные финансовые операции;</p> <p>v- нормы и обычаи международных финансовых организаций;</p> <p>v- международные финансовые институты;</p> <p>v- международно-правовой режим оборота финансовых средств в банковской деятельности;</p> <p>международно-правовой режим оборота ценных бумаг;</p> <p>v- международно-правовые валютные отношения;</p> <p>v- международно-правовой режим налогообложения;</p> <p>международно-правовой режим страхования;</p> <p>международно-правовой режим финансового контроля;</p> <p>v- международно-правовой режим учета финансовых обязательств;</p> <p>v- международно-правовой режим финансирования инвестиций;</p> <p>v- обязательства в международных платежных отношениях;</p> <p>коллизийные нормы МФП;</p> <p>v- международно-правовые формы финансового мониторинга;</p> <p>правовой режим международных налоговых проверок;</p> <p>правовой режим международного банковского и страхового надзора;</p> <p>международно-правовой режим предотвращения коррупции в финансовой сфере</p>	<p>МФП можно разделить на Общую и Особенную части. В Общую часть входят нормы, институты и субинституты, которые охватывают, пронизывают своим регулированием все международные финансовые отношения, а в Особенную — нормы, институты и субинституты, которые регулируют лишь отдельные вопросы, «срезы», группы отношений. Следовательно, в Общую часть МФП можно включить нормы и институты, касающиеся «лиц и вещей», т.е. закрепляющие:</p> <p>v- правовое положение субъектов МФП;</p> <p>v- статус операторов МФО (например, «международное банковское право»; имеется в виду «международное публичное банковское право»);</p> <p>правовой режим финансовых ресурсов и некоторые другие.</p> <p>В Особенную часть МФП входят следующие, в частности, институты:</p> <p>международное бюджетное право;</p> <p>v- международное налоговое право;</p> <p>v- международное платежное право;</p> <p>v- международное валютное право;</p> <p>v- международное кредитное право;</p> <p>международное долговое право;</p> <p>право международной финансовой помощи;</p> <p>v- институт международных финансовых услуг;</p> <p>v- институт борьбы с легализацией незаконных доходов.</p> <p>v МФП самым тесным образом соприкасается и даже пересекается с международным инвестиционным правом (МИП)</p>

не регулирует и не судит. Так что международное финансовое право может быть смешанным и комплексным до тех пор, пока российский законодатель не поймет, что его тоже надо преподавать, изучать и регулировать.

Сюда надо добавить и секьюритизацию, которая поглотила весь мир, а в Государственной Думе РФ закон о ней валается третий год. Так что — российские частные лица и Правительство РФ ждет русского закона или пользуется стандартами «евробумаг», принятыми лондонским клубом? Вот оно международное «мягкое» финансовое право, о котором пишет и уважаемый В. М. Шумилов.

И теперь о системе МФП. Мы в статье уже показали некоторые предложения авторов со-

ветского периода. Сегодня и В. М. Шумилов, и Г. В. Петрова предлагают следующие варианты: см. таблицу 1.

Мы видим, что большинство блоков, предложенных авторами, совпадает, но В. М. Шумилов (а его учебник вышел в 2011 г., т.е. на пять лет позже учебника Г. В. Петровой) не включил в институты МФП регулирования международного страхования и регулирования ценных бумаг. А ведь они уже есть в Европейском Сообществе и в международном «мягком праве» о евробумагах, регулируемых стандартами ISMA.

Зато Г. В. Петрова расширила институт борьбы с отмыванием (легализацией) незаконных денег до контроля за уплатой налогов,

банковского и страхового надзора и предотвращения коррупции в финансовой сфере.

Очевидно, что это вопросы, которые развитые страны уже поставили на обсуждение или международное согласование. И правильно нас предупреждает В. М. Шумилов, что «наряду с МФП функционирует финансовое право ЕС; их нормы переплетаются, эти два нормативных блока наслаиваются друг на друга» [37, с. 100].

Приходится констатировать, что в спорах рождается истина, жизнь (особенно экономическая и финансовая) — не стоит на месте, и завтра мы увидим новый российский или иностранный учебник международного финансового права, который будет больше, полнее, но не всеобъемлющим мировую финансовую систему.

В заключение второй части научного диалога «Экономическое право: тенденции развития, проблемы и перспективы» состоялась **научная дискуссия** в которой приняли участие с краткими обзорами по темам:

А. А. Ситник, доцент кафедры финансового права МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук, — «*Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды в системе обязательных платежей: правовые аспекты*».

А. В. Карташов, доцент кафедры финансового права МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук, — «*Тенденции развития системы финансового контроля в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты)*».

Н. А. Чиякина, инспектор по исполнению административного законодательства ОМВД России по Егорьевскому району, канд. юрид. наук, — «*Экономико-правовое регулирование налоговой безопасности*».

В дискуссии также принял участие аспирант **А. С. Слабоспицкий** с сообщением «*Становление и развитие экономического правосудия в Республике Казахстан*». Так, несмотря на то что в настоящее время политика некоторых стран направлена на изоляцию на-

шего отечества не только из международных организаций, но и в вопросе экономических отношений, есть страны которые наращивают с нами взаимное сотрудничество, в том числе и экономические связи. Одним из таких государств является Республика Казахстан — государство, по площади территории занимающее девятое место среди государств мира. В настоящее время Россия, Казахстан и Беларусь вступили в новый этап реализации евразийского проекта от Таможенного союза к Единому экономическому пространству. Благодаря этому объединению значительно увеличился товарооборот между нашими странами и, как следствие, можно спрогнозировать увеличение экономических споров российских коммерсантов в судах Республики Казахстан. В связи с чем актуальность изучения экономического правосудия Республики Казахстан в настоящее время усиливается. С теоретической точки зрения изучение развития экономического правосудия в других странах интересно тем, что позволяет рассмотреть на конкретных примерах достоинства и недостатки, а также альтернативные пути развития экономического правосудия. Особенно с учётом того, что наша страна и Республика Казахстан вышли из одного правового поля, Советского Союза.

В первой Конституции Республики Казахстан, принятой 28 января 1993 г., была установлена триединая система судебных органов, включавшая суды общей юрисдикции, арбитражные суды и Конституционный суд. Тем самым Конституция 1993 г. закрепила внутри судебной системы республики обособленную судебную ветвь в виде арбитражных судов.

Однако триединая судебная система весьма быстро сменилась иной и дальнейшие приоритеты развития судебной системы Республики Казахстан в целом и системы экономического правосудия в частности, определила Государственная программа правовой реформы, утвержденная Постановлением Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. № 1569).

Дальнейшее совершенствование судебной системы было осуществлено на основе принятия Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» от 25 декабря 2000 г. № 132 (далее — Закон «О судебной системе и статусе судей» 2000 г.). Для унификации судопроизводства в этом законе закреплялось объединение хозяйственных и гражданских коллегий в судах республики.

Позже гражданско-процессуальный кодекс Республики Казахстан определил, что специализированные межрайонные экономические суды разрешают гражданские дела по имущественным и неимущественным спорам сторонами в которых являются юридические лица и граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также по корпоративным спорам. Создание специализированных экономических судов снизило чрезмерную нагрузку на суды общей юрисдикции. Благодаря более узкой специализации судей качество отправления правосудия по отдельным категориям гражданских дел улучшилось.

Дальнейшим шагом в развитии специализированных судов, рассматривающих экономические споры, стало образование Финансового суда г. Алматы, уполномоченного рассматривать в соответствии со ст. 30 Гражданско-процессуального кодекса Республики Казахстан гражданские дела по имущественным или неимущественным спорам участников регионального финансового центра г. Алматы (далее — РФЦА), а также гражданские дела о реструктуризации финансовых организаций и организаций, входящих в банковский конгломерат в качестве родительской организации и не являющихся финансовыми организациями, в случаях предусмотренных законами Республики Казахстан. Статус Финансового суда г. Алматы был приравнен к областному суду. РФЦА был создан в целях развития рынка ценных бумаг, обеспечения его интеграции с международными рынками

капитала, привлечения инвестиций в экономику Республики Казахстана, а также выхода казахстанского капитала на зарубежные рынки ценных бумаг и представляет собой особый правовой режим, регулирующий взаимоотношения участников финансового центра и заинтересованных лиц, направленный на развитие финансового рынка Республики Казахстан.

В этой программе отмечалось, что система юстиции, в том числе и суды, оказалась не готова как к рыночным отношениям, так и к переходным к рынку условиям.

Таким образом, *под экономическим правосудием мы понимаем деятельность судов по рассмотрению и разрешению споров между субъектами предпринимательской деятельности, а также споров возникающих из административных и иных публичных правоотношений в связи с предпринимательской деятельностью.*

Третий научный диалог («Экономическое право как образовательная технология») явился обоснованным выводом в плоскость образовательного процесса научной концепции экономического права Российской Федерации. В ходе диалога Е. М. Ашмарина, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности РГУП, доктор юрид. наук, проф., акад. РАЕН, сделала сообщение на тему «Экономическое право: интерактивная форма образовательной деятельности».

Было отмечено, что отвечая на актуальные вызовы настоящего времени, в ряде развитых зарубежных стран получила распространение практика введения в образовательный процесс экономического права (в различных формах его представления). Предложена фрагментарная рецепция позитивного опыта. Так, принятая в ряде зарубежных стран практика преподавания экономического права, может быть классифицирована следующим образом: в виде профиля для бакалавров (такая практика принята, в частности, в Государственном университете Республики Беларусь); в виде магистерских программ (Университет Каменского в Братиславе университеты

Германии, Китая); как 1-й уровень подготовки магистров (университеты во Франции); возможны другие подходы.

В этой связи предлагаем на основе рецепции позитивного зарубежного опыта, но (!) с учетом собственной национальной специфики (которая относится, во-первых, к наличию существующего блока доктринально признанных отраслей российского права и, во-вторых, к актуальной тенденции отечественного судопроизводства, заключающейся в обособлении экономических споров), следующие шаги в направлении введения экономического права в практику отечественного образования.

На первом этапе предлагаем ввести экономическое право в качестве самостоятельной общетеоретической дисциплины. Отметим, что в этом году в РГУП успешно была пройдена апробация дисциплины «Экономическое право» (в ходе реализации магистерской программы «Юрист в банковской и инвестиционной сферах») и издано учебное пособие «Экономическое право» (2014 г.).

На втором этапе предлагаем ввести экономическое право в качестве магистерской программы (возможно также введение 1-го уровня подготовки магистров).

На третьем этапе представляется целесообразным сформулировать и внести предложения по формированию отдельного профиля для обучения бакалавров. Однако это — вопрос будущего.

Подводя итоги конференции, ее научный руководитель — зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности, доктор юрид. наук, проф. — **Е. М. Ашмарина** отметила актуальность рассмотренной темы, а также творческий характер научных выступлений и на основании их обобщения подвела основные итоги. Были сделаны следующие выводы. Так:

- обсуждение различных научных подходов к межотраслевому правовому регулированию отношений в таких областях, как налоговая и парафискальная деятельность,

инвестиционная деятельность, банковская деятельность, внешнеторговая деятельность, таможенная деятельность и другие виды экономической деятельности позволило сделать вывод о том, что правового поля ни одной отрасли российского права не достаточно, чтобы целостно урегулировать рассмотренные сегменты экономических отношений, хотя бы в их основах в совокупности. Рассматривались также актуальные особенности правового обеспечения современной предпринимательской деятельности. В этой связи целесообразным представляется признание новой правовой конструкции, в пределах которой было бы возможно целостное правовое урегулирование основ рассмотренных отношений. В качестве такой правовой конструкции следует признать экономическое право Российской Федерации;

- особое внимание в настоящее время следует уделять модернизации высшего образования, главной целью которой является повышение качества обучения. В этой связи обсуждались основные подходы к переходу на инновационную систему обучения, который предполагает применение научных технологий, используемых в учебном процессе. Одной из таких научных технологий является предоставление комплексных знаний в сфере двух или более научных областей (в нашем случае это — право и экономика). В качестве такой дисциплины была предложена и рассмотрена дисциплина «Экономическое право Российской Федерации».

Обобщение вопросов теории права на основании своего доклада привел профессор кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП **Н. А. Тузов**.

Был обсужден проект резолюции и вынесена следующая **резолюция**.

- На современном этапе требуется системный подход к регулированию экономической деятельности, который предполагает

достижение баланса системы «экономика – экономическое право». Таким образом целесообразной мерой представляется введение экономического права в качестве мегаотрасли российского права.

➤ Опыт зарубежных стран (Германия, Франция, Китай) указывает на наличие такой мегаотрасли, что предопределено особенностями экономико-правовых тенденций в рассмотренных государствах.

➤ Процесс развития экономики в соответствии с положениями науки экономической теории указывает на объективность становления мегаотрасли экономического права как историко-политического актуального феномена.

➤ Экономическое право характеризуется наличием предмета, который можно характеризовать, как статические и динамические экономические отношения, возникаю-

щие в процессе установления общих условий функционирования экономики Российской Федерации и осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

➤ Преподавание правовых дисциплин в современных условиях требует актуализации и приведения в соответствие с современными тенденциями развития правового регулирования экономики (опыт Республики Беларусь, Словакии, Германии, Франции, Китая).

➤ Экономическое право должно рассматриваться сегодня в качестве мегаотрасли российского права, учебной дисциплины и отрасли российской правовой науки. Такой подход отвечает вызовам настоящего времени.

С **заключительным словом** выступил проректор по научной работе РГУП, доктор юрид. наук, проф. **В. Н. Корнев**.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ершов В. В., Ашмарина Е. М., Корнев В. Н. Экономическое право: сравнительно-правовой анализ Германии, Франции, Китая и России // Государство и право.—2014.—№ 9.— С. 53–64.
2. Ершов В. В., Ашмарина Е. М., Корнев В. Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право.—2015.—№ 1.— С. 57–71.
3. Ратцель Ф. Человечество как явление жизни // В кн.: История человечества.— СПб., 2003.— С. 108, 138–153.
4. Макингер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис.— 1995.—№ 4.
5. Софиенко М. Б. Правовая свобода как способ реализации индивидуальной свободы в социальной системе: дис. ... канд. филос. наук.— Томск, 2007.— С. 28–30.
6. Егорова Л. Ю. Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук.— М., 2006.— С. 46.
7. Нерсисянц В. С. Философия права.— М., 2006.— С. 33.
8. Ефимова Л. Г. Банковское право: учеб. и практ. пособие.— М.: Изд-во «БЕК», 1994.— С. 4, 5.
9. Цыренжапов Ч. Д. Правовые основы государственных и муниципальных расходов: дис. ... канд. юрид. наук.— Томск, 2005.
10. Астафуров Н. В. Правовое регулирование государственных и муниципальных расходов: дис. ... канд. юрид. наук.— Волгоград, 2009.
11. Марков Л. Н. Таможенное право СССР.— Иркутск, 1973.— С. 24, 25.
12. Бахрах Д. Н., Кивалов С. В. Таможенное право России.— Екатеринбург, 1995.— С. 6, 7.
13. Бакаева О. Ю., Матвиенко Г. В. Таможенное право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева.— М., 2004.— С. 27 (автор главы — О. Ю. Бакаева).
14. Сандровский К. К. Таможенное право.— Киев, 1974.— С. 19.

15. Таможенное право: учеб. для вузов / под общ. ред. Б. Н. Габричидзе. — 5-е изд. перераб. и доп. — М., 2004. — С. 139–145.
16. Таможенное право: учеб. / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. — М., 2007. — С. 42, 43.
17. Общая теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. — М., 1998. — Т. 2. — С. 238.
18. Протасов В. Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие. — М, 1995. — С. 40.
19. Алексеев С. С. Выражение особенностей предмета советского гражданского права в методе гражданско-правового регулирования. Виды гражданско-правовых отношений и метод гражданско-правового регулирования // В кн.: Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. — М., 2001. — С. 155, 156.
20. Рукавишников И. В. Метод финансового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2004.
21. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — ЛГУ, 1963. — С. 91, 92.
22. Шумилов В. М. Международное экономическое право: учеб. — метод. пособие. 2-е изд. — М.: ООО ИКК «ДеКА», 2002. — С. 42.
23. Петрова Г. В. Международное финансовое право: учеб. для вузов. — М.: Юрайт; Высшее образование, 2009. — С. 17.
24. Международная финансовая система: вызовы XXI века: монография / ред., пер. М. А. Шаповалов. — М.: Буки Веди, 2013. — С. 14.
25. Шумилов В. М. Международное финансовое право: учеб. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 2011. — С. 27.
26. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): учеб. — М.: Волтерс Клавер, 2006.
27. Попондопуло В. Ф. Международное коммерческое право. — СПб., 2004.
28. Альтшулер А. Б. Международное валютное право. — М: Международные отношения, 1984.
29. Винницкий Д. В. Международное договорно-правовое регулирование и современное бюджетное право // Очерки бюджетно-правовой науки современности: монография / под общ. ред. Е. Ю. Грачевой и Н. П. Кучерявенко. — М.; Харьков, 2009.
30. Ровинский Е. А. Международные финансовые отношения и их правовое регулирование // Сов. государство и право. — 1965. — № 2. — С. 60–68.
31. Ровинский Е. А. К вопросу о предмете международного финансового права // Труды ВЮЗИ. — М., 1967. — Т. 9. Вопросы советского финансового права.
32. Верадьский М. Рец. на кн.: Шпиллер Г. Валютная монополия и международные финансовые отношения // Finance. — 1963. — № 3.
33. Лисовский В. И. Международное торговое и финансовое право. — М.: Высшая школа, 1974.
34. Лисовский В. И. Сущность и система международного финансового права // Сов. ежегодник международного права (1964–1965). — М.: Наука, 1966. — С. 134, 135.
35. Петрова Г. В. Международное финансовое право: учеб. для вузов. — М.: Юрайт; Высшее образование, 2009. — С. 15, 16.
36. Шумилов В. М. Международное финансовое право: учеб. — М.: Международные отношения, 2005. — С. 42–45.
37. Шумилов В. М. Международное финансовое право: учеб. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 2011. — С. 100.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ershov V. V., Ashmarina E. M., Kornev V. N. Ekonomicheskoe pravo: sravnitel'no-pravovoi analiz Germanii, Frantsii, Kitaya i Rossii // Gosudarstvo i pravo.—2014.—№ 9.— С. 53–64.
2. Ershov V. V., Ashmarina E. M., Kornev V. N. Ekonomicheskoe pravo i ekonomicheskaya teoriya // Gosudarstvo i pravo.—2015.—№ 1.— С. 57–71.
3. Rattel' F. Chelovechestvo kak yavlenie zhizni // V kn.: Istoriya chelovechestva.— SPb., 2003.— С. 108, 138–153.
4. Makinder Kh. Dzh. Geograficheskaya os' istorii // Polis.— 1995.—№ 4.
5. Sofienko M. B. Pravovaya svoboda kak sposob realizatsii individual'noi svobody v sotsial'noi sisteme: dis. ... kand. filoz. nauk.— Tomsk, 2007.— С. 28–30.
6. Egorova L. Yu. Problemy zashchity publichnykh interesov prokurorom v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk.— M., 2006.— С. 46.
7. Nersesyants V. S. Filosofiya prava.— M., 2006.— С. 33.
8. Efimova L. G. Bankovskoe pravo: ucheb. i prakt. posobie.— M.: Izd-vo 'BEK', 1994.— С. 4, 5.
9. Tsyrenzhapov Ch. D. Pravovye osnovy gosudarstvennykh i munitsipal'nykh raskhodov: dis. ... kand. yurid. nauk.— Tomsk, 2005.
10. Astafurov N. V. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennykh i munitsipal'nykh raskhodov: dis. ... kand. yurid. nauk.— Volgograd, 2009.
11. Markov L. N. Tamozhennoe pravo SSSR.— Irkutsk, 1973.— С. 24, 25.
12. Bakhrakh D. N., Kivalov S. V. Tamozhennoe pravo Rossii.— Ekaterinburg, 1995.— С. 6, 7.
13. Bakaeva O. Yu., Matvienko G. V. Tamozhennoe pravo: ucheb. / otv. red. N. I. Khimicheva.— M., 2004.— С. 27 (avtor glavy — O. Yu. Bakaeva).
14. Sandrovskii K. K. Tamozhennoe pravo.— Kiev, 1974.— С. 19.
15. Tamozhennoe pravo: ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. B. N. Gabrichidze.— 5-e izd. pererab. i dop.— M., 2004.— С. 139–145.
16. Tamozhennoe pravo: ucheb. / otv. red. A. F. Nozdrachev.— M., 2007.— С. 42, 43.
17. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / pod red. M. N. Marchenko.— M., 1998.— Т. 2.— С. 238.
18. Protasov V. N. Chto i kak reguliruet pravo: ucheb. posobie.— M., 1995.— С. 40.
19. Alekseev S. S. Vyrazhenie osobennosti predmeta sovetskogo grazhdanskogo prava v metode grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Vidy grazhdansko-pravovykh otnoshenii i metod grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // V kn.: Antologiya ural'skoi tsivilistiki. 1925–1989: sb. st.— M., 2001.— С. 155, 156.
20. Rukavishnikova I. V. Metod finansovogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk.— Saratov, 2004.
21. El'kind P. S. Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava.— LGU, 1963.— С. 91, 92.
22. Shumilov V. M. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo: ucheb.— metod. posobie. 2-e izd.— M.: OOO IKK 'DeKA', 2002.— С. 42.
23. Petrova G. V. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ucheb. dlya vuzov.— M.: Yurait; Vysshee obrazovanie, 2009.— С. 17.
24. Mezhdunarodnaya finansovaya sistema: vyzovy XXI veka: monografiya / red., per. M. A. Shapovalov.— M.: Buki Vedi, 2013.— С. 14.
25. Shumilov V. M. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ucheb.— 2-e izd.— M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011.— С. 27.
26. Vel'yamin G. M. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i protsess (Akademicheskii kurs): ucheb.— M.: Volters Kluver, 2006.
27. Popondopulo V. F. Mezhdunarodnoe kommercheskoe pravo.— SPb., 2004.
28. Al'tshuler A. B. Mezhdunarodnoe valyutnoe pravo.— M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1984.

29. Vinnitskii D. V. Mezhdunarodnoe dogovorno-pravovoe regulirovanie i sovremennoe byudzhethnoe pravo // Ocherki byudzhethno-pravovoi nauki sovremennosti: monografiya / pod obshch. red. E. Yu. Grachevoi i N. P. Kucheryavenko. — M.; Khar'kov, 2009.
30. Rovinskii E. A. Mezhdunarodnye finansovye otnosheniya i ikh pravovoe regulirovanie // Sov. gosudarstvo i pravo. — 1965. — № 2. — S. 60–68.
31. Rovinskii E. A. K voprosu o predmete mezhdunarodnogo finansovogo prava // Trudy VYuZI. — M., 1967. — T. 9. Voprosy sovetskogo finansovogo prava.
32. Veral'skii M. Rets. na kn.: Shpiller G. Valyutnaya monopoliya i mezhdunarodnye finansovye otnosheniya // Finance. — 1963. — № 3.
33. Lisovskii V. I. Mezhdunarodnoe torgovoe i finansovoe pravo. — M.: Vysshaya shkola, 1974.
34. Lisovskii V. I. Sushchnost' i sistema mezhdunarodnogo finansovogo prava // Sov. ezhegodnik mezhdunarodnogo prava (1964–1965). — M.: Nauka, 1966. — S. 134, 135.
35. Petrova G. V. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ucheb. dlya vuzov. — M.: Yurait; Vysshee obrazovanie, 2009. — S. 15, 16.
36. Shumilov V. M. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ucheb. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. — S. 42–45.
37. Shumilov V. M. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ucheb. — 2-e izd. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. — S. 100.